

Это случилось давно, осенью 1988 года, когда неожиданно рано, напутав с календарём, наступила зима. Огромные, толстые льды покрыли северные моря и прижали к берегам Аляски несколько серых калифорнийских китов. Животные метались на узкой полоске чистой воды между ледяными торосами и скалистыми берегами мыса Барроу. С каждым днём полоска воды становилась всё меньше, и киты должны были погибнуть. С берега за китами наблюдали жители посёлка, но помочь им не могли. У американцев не было ледоколов, способных взломать такие льды и пробить водный путь для погибающих морских животных.

Помощь пришла из СССР, страны, обладавшей тогда самым мощным ледокольным флотом в мире.

Флагманский ледокол Дальневосточного пароходства «Адмирал Макаров» и дизель-электроход «Владимир Арсеньев» устремились на помощь.

Мерно гудели в свои десятки тысяч лошадиных сил главные двигатели, мощные форштевни резали штормовые осенние волны, на мостиках судов опытные штурмана напряжённо всматривались в морскую даль.

С рассветом подошли к ледовому припою, огромным полям льда, тянувшимся почти до самого берега, а там, впереди, за этими ледовыми нагромождениями, прижатые к скалистым берегам, погибали киты.

Первым, круша льды, пошёл красавец ледокол, способный взламывать даже мощнейшие паковые торосы, за ним – дизель-электроход. На обоих судах опытные полярные капитаны, много лет работающие в Заполярье.

Спокойные команды, выверенные, чёткие решения, безукоризненное исполнение. Тут все понимают друг друга почти без слов.

Работа предстояла сложная. Пробить такой лёд этим гигантам было не трудно, но как выйти точно на китов, что мечутся на узкой полоске свободной воды, как заставить их поверить людям и пойти в пробитый проход, как не дать льдам вновь сомкнуться, похоронив под собой животных?

Такой морской практики эти морские волки не имели. Ещё неделю назад они шли в Заполярье на помощь гибнущим сухогрузам, успешно спасли и людей, и корабли, и грузы. То была часть их героической и обычной работы, а здесь – киты, которые не понимали действий людей и боялись их. Им не скажешь: «Следуйте за мной, я проведу вас к спасению, на чистую воду, свободную ото льда». Их не убедишь, что ты спасатель, а не китобой.

Но эти суровые, немногословные люди, много раз смотревшие в глаза опасности, сделали невероятное и вывели морских исполинов в море.

Киты ушли в своё бесконечное плавание, забыв сказать людям спасибо, а отважные полярники опять пошли мимо мыса Дежнева в наши северные моря, где очередной пароход ждал их помощи.

Там была обычная их работа – проводить торговые суда через полярные льды, потому что без этих судов и их грузов умрёт любая жизнь на крайнем севере нашей страны. Потому что огромная держава должна твёрдой ногой стоять на этих холодных и далёких берегах, где живут замечательные и смелые люди.

А потом делегация Морского пароходства ездила в США, где праздновали чудесное спасение китов. Праздник удался, но только на нём не было ни китов, ни моряков, что их спасли.

И тех, и других забыли пригласить.

Но разве это главное?

Главное, что люди из великой страны спасли обитателей великого океана.

Ныне во Владивостоке, в чудесном месте с видом на Амурский залив стоит памятник спасённым китам, его привезли к нам в дар из Америки.

И бывший капитан ледокола «Адмирал Макаров» Сергей Фёдорович Решетов может прийти сюда и вспомнить то дорогое и удивительное время, и, возможно, встретит здесь своего коллегу, капитана дизель-электрохода «Владимир Арсеньев» Руслана Зайнигабдинова и других отважных, скромных, так и оставшихся неизвестными участников той ледовой эпопеи.

(1) По дороге в детский дом наш куратор Вероника, сидевшая рядом со мной объясняла новичкам, и мне в том числе, как общаться с детьми.

— (2) Поймите, самое позорное для ребят — выглядеть несчастными. (3) Жалко очень обижает их. (4) Они, конечно, бодрятся, хотят быть сильными. (5) Это и волонтеры, должны заслужить их внимание, а не они — наше. (6) И нужны нам гораздо больше, чем мы им. (7) Это мы беззащитны перед ними. (8) Ребята хотят общаться только на равных. (9) Могут нагрубить, отвернуться, уйти. (10) И будут правы. (И) Значит, мы не заслужили их доверия. (12) И никакие подарки не помогут. (13) Все поняли?

(14) Мы дружно кивнули.

(15) Быковский детский дом.

— (16) Сегодня мы приехали к вам, — весело начала Вероника, — чтобы прове день красоты. (17) Среди нас — опытные парикмахеры и фотографы. (18) П такой: сначала мы делаем всем желающим причёски, а потом фотографирл (19) Так что подумайте — кто какую причёску хочет. (20) Парикмахерс; устроим на первом этаже.

(21) Потом, часа через два, вошла девочка Кира, плюхнулась рядом со мной и потребовала:

— (22) Дай мне свой телефон!

— (23) Зачем? — спросила я, не зная, как реагировать.

— (24) Поиграть.

(25) Я протянула ей мобильник.

— (26) Подаришь? — прищурилась она.

— (27) А когда у тебя день рождения?

— (28) Пятого июня, а что?

— (29) Вот на день рождения я тебе подарю такой же.

— (30) А ты не врешь? — посерьёзнела девочка.

— (31) Нет. (32) Обещаю.

— (33) Хочешь, пойдём посмотреть хомяка?

— (34) А у вас что, в детском доме есть хомяк? — я осторожно высвободила из её объятий.

— (35) Никогда так больше не говори, слышишь!

— (36) Как? *

— (37) В детском доме — вот как. (38) Мы здесь говорим: дома. (39) Это наш

— (40) Да, конечно, прости меня...

(41) Вечер. (42) Я достаю свой фотоаппарат. (43) Воспитательница сгоняет в ребят — и артистов, и зрителей.

— (44)Сейчас, сейчас, давайте, чтобы все вместе!

(45)Велит им поправить одежду и приклеить улыбки.

(46)Фотографирую.

— (47)Молодцы! (48)Давайте ещё разок. (49)Улыбаться всем! (50)Не моргать! — вошла в раж воспитательница.

— (51)А вы нам фотки привезёте? — спрашивает Илья.

(52)Баян он держит бережно, как грудного ребёнка.

— (53)Конечно, привезу.

— (54)Вы, правда, привезите, — говорит воспитательница, только что дирижировавшая фотографическими улыбками, — ребята ведь ждать будут.

(55)Едем домой. (56)Я даже не понимала, как назвать это — депрессия или что-то иное.

(57)Совесть не давала никаких поблажек, она была больше и сильнее, а главное — беспощаднее меня. (58)Я была виновата перед всеми этими брошенными другими матерями детьми. (59)И вина эта не была патетичной и зрелищной, она была тихой и простой, как трава под ногами. (60)Неизбывная и непреодолимая.

(1) Современное общество озабочено тем, что язык начал изменяться.

(2) Особенно заметно происходит экспансия письменной речи, которая вытесняет устную из разных сфер. (3) Если раньше мы общались, разговаривали прежде всего устно, а письменная речь всё-таки служила для хранения, для передачи информации на расстоянии, через время, то сегодня письменная речь, вытесняя устную из некоторых сфер диалога, приобретает некую устность.

(4) Возникают разные способы оживления письменной речи, придания ей устности. (5) Собственно, в этом и состоят её сегодняшние изменения. (6) Означает ли это, что люди перестали разговаривать? (7) Думаю, что нет. (8) Я думаю, что, конечно, есть люди, которые полностью уходят в Интернет, и это ненормально. (9) Но для многих это спасение, потому что есть люди, которые всё-таки не приспособлены для устного общения, которые слишком застенчивы. (10) А здесь они вполне могут себя чувствовать уверенно; кто-то одинок, а в Интернете всегда можно найти собеседника. (11) И что показательно: русский язык, как мы знаем, в Интернете вышел, вырвался на второе место. (12) На самом деле он идёт примерно на равных с немецким языком, очень сильно отставая от английского, но тем не менее... (13) И чем больше русский язык присутствует в Интернете, тем больше он испытывает на себе давление новых условий коммуникации.

(14) Но я думаю, что молодое поколение находит какой-то разумный баланс. (15) Конечно, если мы посмотрим, скажем, на пятидесятилетнего и двадцатилетнего, то увидим, что их отношение к социальным сетям различно. (16) Для пятидесятилетнего или шестидесятилетнего есть вопрос: начинать функционировать в социальных сетях или не начинать? (17) А для двадцатилетнего этого вопроса в принципе нет. (18) То есть он будет белой вороной, если он не начнёт. (19) Так что в этом смысле мир изменился. (20) Письменной речи стало больше, она стала более устной, но всё-таки люди не онемели, просто немножко нарушился существовавший баланс.

(21) Для нас это непривычно, но пока, мне кажется, пути обратно нет. (22) Сегодняшние социальные сети и все эти гаджеты, про которые сегодня так много говорят, вовлекают человека в бесконечную коммуникацию, чего раньше не было.

(23) Так что, безусловно, изменения происходят, и я не то чтобы говорю, что всё правильно и всё замечательно. (24) Но вот так развивается мир, и можно по-разному к этому относиться, но я не могу этого изменить, значит, я, скорее, должен это описывать и фиксировать, чем ахать и охать по этому поводу. (25) Тем более что я вижу по своим детям: мы общаемся между собой, хотя они, конечно, довольно много времени проводят в Интернете. (26) Да и я теперь довольно много там провожу времени!

(27) И возникает вопрос: надо или не надо волноваться. (28) Как лингвист, я не очень волнуюсь, потому что понимаю, что это всё в результате окажется сбалансировано. (29) Но всё же я думаю, что наше волнение только на пользу языку, потому что всегда этот баланс возникает в борьбе противоположностей, в борьбе языковых радикалов и языковых консерваторов.

(30) И волноваться, мне кажется, стоит! (31) Это не так давно произошло, фактически лет десять-пятнадцать мы так активно обсуждаем проблемы русского языка, в 1990-е это не обсуждалось. (32) В советское время это обсуждалось, но только с точки зрения пуризма, например, с точки зрения невозможности говорить слово «пока», потому что это вульгарно и недопустимо. (33) Но мы видим, что «пока» говорят все, и образованные люди в том

числе. (34)Так что само волнение я расцениваю, скорее, как положительный фактор.
(35)Значит, нам интересен русский язык!

(1)Лучшее время для охоты с гончей в наших краях — последние дни октября. (2)Все к этому времени в природе затихает, успокаивается, и уставшее от бесконечных циклонов небо наконец-то начинает подниматься, делая мир светлее и приветливее.

(3)Со мной на охоте всегда была Доля — прекрасная русская гончая, не просто мастер своего дела, а настоящий гроссмейстер. (4)Для тех, кто не знаком с охотой, скажу, что собака ищет зайца всегда молча, и только когда она поднимает его, трону в с места, у неё внутри срабатывает какой-то тумблер и включается голос.

(5)Чтобы скоротать время и отвлечься от нараставшего напряжения, я стал наблюдать за длиннохвостыми синицами, компанией перелетавшими с дерева на дерево. (6) в это время, когда я подглядывал за птицами, где-то далеко у озера раздался еле слышный вой. (7)То, что это была собака, я не сомневался, но почему вой? (8)Я кинулся на голос с ружьём наперевес, отбрасывая от лица ветки. (9)Що озера оставалось уже не очень далеко, когда ноги мои остановились, потому что загнанное сердце просило пощады. (10)Я мешком повис на каком-то дереве и сквозь туман в глазах совсем рядом увидел заячий след, по которому прошла собака. (11)Но след уходил не к бобровым завалам, а почему-то на заросший, молодым березняком мыс. (12)Это потом я отдал должное сообразительности зайца: перед тем как залечь, косой перешёл по тонкому льду, понимая, что для его более тяжёлых преследователей молодой лёд станет ловушкой.

(13)Доля провалилась метрах в пятнадцати от берега. (14)Услышав меня, она стала жалобно скулить и пытаться выбраться из полыньи, но лёд ломался, и она снова от отчаяния завывала. (15)Я метался по берегу, как безумный, не зная, что предпринять, а Доля, положив передние лапы на лёд, продолжала выть. (16)Сколько это продолжалось, я не помню. (17)Отбросив ружьё, пошёл в лес, спасаясь от страшной развязки.

(18)Как далеко я успел отойти от берега, не знаю, но в какое-то мгновение развернулся и ломанул обратно. (19)«Дурак, ну и дурак! — распекал я себя в полном отчаянии. — (20)Где твои мозги раньше были!»

(21)Однажды мой хороший знакомый подстрелил на охоте утку. (22)Она упала на воду метрах в двадцати от берега. (23)Стрелок, чтобы не лезть в холодную воду сходил в лес, срубил несколько тоненьких деревьев, обрубил сучья, кроме одной кроны и, связав их одно за другим в виде длинной сосиски, потихоньку доплыл до утки. (24)Потом, прокручивая «анаконду», захлестнул птицу оставленными ветками и благополучно подтащил трофей к берегу.

(25)Складная шведская ножовка у меня всегда с собой, а капроновые верёвочки я по старой привычке ношу в больших карманах охотничьей куртки. (26)Спилить несколько берёзок было делом пяти минут. (27)У первой обрубил ветки только до половины и положил на лёд. (28)К ней привязал полностью обрубленную, потом вторую, и наконец гирлянда из четырёх берёзок дотянулась до полыньи.

(29)Доля уже, кажется, еле держалась, она не могла даже выть; время от времени она только по-щенячьи скулила. (30)И когда я, проворачивая гирлянду, стал накрывать собаку ветками, страх охватил меня снова. (31)Мне показалось, что я утоплю её. (32)Но тут Доля, спасаясь от веток, наседавших на неё, стала лапами подминать их под себя, инстинктивно стараясь оказаться сверху. (33)Потянув своё приспособление, я почувствовал, что тащу его вместе с собакой.

(34)Стоя на коленях, я прижимал к себе дрожащую мокрую Долю, всё ещё не веря, что самое страшное уже позади. (35)И если бы я сказал, что в эти минуты мои глаза были сухие, это было бы неправдой, (36)Те, кого судьба на жизненных путях-дорогах сводила с этими хвостатыми созданиями и кто хоть однажды был удостоен их верной бескорыстной любви, меня поймут.

(37)В этот день было уже не до охоты, (38)Я гнал машину в город, а моя любимица, завёрнутая в куртку, дремала на заднем сиденье и, наверное, досматривала сои про зайца, до которого сегодня так и не удалось добраться.

(1) Поездка в Олепин подарила мне незабываемые ощущения.

2) Но не рыбалкой запомнилось мне утро этого дня. 3) Не первый раз я подходил к воде потемну, когда не разглядишь и поплавка на воде, едва-едва начинающей вбирать в себя самое первое, самое лёгкое посветление неба.

4) Всё было как бы обыкновенным в то утро: и ловля окуней, на стаю которых я напал, и предрасветная зябкость, поднимающаяся от реки, и все неповторимые запахи, которые возникают утром там, где есть вода, осока, крапива, мята, луговые цветы и горькая ива.

5) И всё же утро было необыкновенное. 6) Алые облака, округлые, как бы туго надутые, плыли по небу с торжественностью и медленностью лебедей. 7) Алые облака плыли и по реке, окрашивая цветом своим не только воду, не только лёгкий парок над водой, но и широкие глянцевые листья кувшинок. (8) Белые свежие цветы водяных лилий были как

розы в свете горящего утра. (9) Капли красной росы падали с наклонившейся ивы в воду, распространяя красные, с чёрной тенью круги.

10) Старик рыболов прошёл по лугам, и в руке у него красным огнём полыхала крупная пойманная рыба. 11) Стога сена, копны, дерево, растущее поодаль, перелесок, шалаш старика- всё виделось особенно выпукло, ярко, как если бы произошло что-то с нашим зрением, а не игра великого солнца была причиной необыкновенности утра. (12) Пламя костра, такое яркое ночью, было почти незаметно теперь, и бледность и незаметность его ещё больше подчёркивали ослепительность утреннего сверкания. (13) Таким навсегда мне и запомнились те места по берегу Колокши, где прошла наша утренняя заря.

14) Когда, наевшись ухи и уснув снова, обласканные взошедшим солнцем и выспавшиеся, мы проснулись часа три-четыре спустя, невозможно было узнать окрестностей. 15) Поднявшееся в зенит солнце убрало с земли все тени. 16) Пропала контурность, выпуклость земных предметов, подевалась куда-то и свежая прохлада, и горение росы, и сверкание её.

17) Луговые цветы померкли, вода потускнела, а на небе вместо ярких и пышных облаков вуалью распространилась ровная, белесоватая мгла. 18) Было впечатление, что несколько часов назад мы волшебным образом побывали в совершенно иной, чудесной стране, где и алые лилии, и красная рыбина на верёвке у старика, и травы переливаются огнями, и всё там яснее, красивее, чётче, точь-в-точь как бывает в чудесных странах, куда попадаешь единственно силой сказочного волшебства.

19) Как же попасть опять в эту дивную алую страну? 20) Ведь сколько ни приезжай потом на место, где встречается речка Чёрная с рекой Колокшей и где за былинным холмом орут городищенские петухи, не проникнешь, куда желаешь, как если бы забыл всесильное магическое слово, раздвигающее леса и горы.

21) Сколько я ни ездил потом рыбачить из Москвы на Колокшу, не мог я попасть в ту страну и понял, что каждое утро, каждая весна, каждая любовь, каждая радость неповторимы в жизни для человека.

22) Тогда-то и вспомнилась мне самая дивная из всех волшебных стран - страна моего детства.

23) Ключи от неё брошены так далеко, потеряны так безвозвратно, что никогда, никогда хотя бы одну пустяковую тропинку не увидишь до конца жизни. 24) Впрочем, в той стране не может быть пустяковой тропинки. (25) Всё там полно значения и смысла. 26) Человек, забывший, что было там и как было там, человек, забывший даже про то, что это когда-то было, самый бедный человек на земле.

1) Каждого человека с раннего детства готовят стать деятельным творческим созидателем, достойным гражданином своей страны. 2) Этому посвящается четверть, а то и треть его жизни.. 3) В подавляющем большинстве случаев после длительного обучения и воспитания молодёжь наконец становится перед проблемой выбора профессии. 4) Выбор профессии осуществляется и самими подростками, закончившими образование, и под влиянием родителей, а иногда и под влиянием обстановки, случайно сложившейся вокруг молодого человека. 5) К счастью, подавляющее большинство профессий (а их теперь бесчисленное множество) не требует, чтобы человек обладал какими-либо особыми природными дарованиями. 6) Нужно согласиться с тем, что для достижения максимальной пользы, максимального эффекта своих возможностей в любой профессии, кроме природных данных и способностей, необходим упорный настойчивый труд, который невольно прививает любовь к своей профессии и в результате становится потребностью, удовлетворением и естественной необходимостью для человека. 7) В наше время достаточно накопленного опыта и научных знаний для того, чтобы выбрать профессию в соответствии с особенностями физического и духовного облика человека.

8) У каждого ребёнка с раннего детства начинают постепенно проявляться некоторые психологические особенности, присущие его индивидуальности, и, конечно, такие свойства, которые присущи каждому. 9) Совершенно ясно, что только всесторонним образованием и воспитанием можно определить психологический и физический облик будущего человека. 10) Детский сад, школа и семья в едином стремлении и контакте, всесторонне изучая будущего гражданина, стараются познать его и создать соответствующие условия, ожидающие его в будущем. 11) Далеко не всегда сам подросток, получив среднее образование, может правильно выбрать себе профессию. 12) Яркие дарования в математике, музыке, хореографическом искусстве и некоторых других областях проявляются очень рано – в 5-6 лет. 13) Их надо заметить вовремя, и именно в этом раннем возрасте не только дать уже специализированное воспитание, но и привить ребёнку в самом начале вкус к избранной профессии, а затем и страсть. 14) А для этого необходимо создать и соответствующую вдохновляющую обстановку вокруг подростка.

15) Наибольшие способности всегда являются признаком для выбора будущей профессии. 16) Способности всегда проявляются в быстрой освоения, в каком бы то ни было виде деятельности. 17) Я на своём собственном опыте по обучению лётному делу, музыке, изобразительному искусству всегда, без исключения убеждался в том, что когда человек быстро осваивает обучение, то он обычно и хорошо работает по этой специальности.

18) Наблюдения за разными профессиями приводят к такому же выводу и подтверждают моё мнение. 19) Каждому, наверное, известны условия музыкального конкурса в Бельгии, который считается максимально трудным. 20) Напомню его условия: нужно пройти три тура с различной программой. 21) Перед последним туром конкурсанты получают новый, созданный для этого конкурса фортепьянный концерт и ... отдельную изолированную комнату для самостоятельной работы над этим концертом. 22) По условию конкурса, это музыкальное произведение нужно выучить наизусть в течение недели. 23) Два раза конкурсант имеет право сыграть концерт с оркестром перед тем, как он исполнит его перед жюри. 24) Один из наших участников уже на четвёртый день попросил оркестр и сыграл концерт по памяти.

25) Оркестранты и дирижёр были ошеломлены таким необычным явлением – он сыграл великолепно и без единой ошибки. 26) Конечно, он выиграл конкурс.

27) В любой профессии встречаются даровитые люди, но феноменальных результатов все они достигают фанатическим страстным увлечением, а поэтому и трудом, в котором всё подчинено достижению одной цели. 28) Однако они обычно всегда успевают и воспринимать и жизнь во всём её многообразии, тем самым развивая свой интеллект. 29) Нужно ли говорить о том, что это, как правило, люди организованные, умеющие использовать с интересом и пользой каждую минуту своей жизни!

30) Вот как важно правильно выбрать дело всей своей жизни!.

(По. М.Громову)

Замечали ли вы, какое большое впечатление производят те произведения литературы, которые читаются в спокойной, неторопливой и несуетливой обстановке, например на отдыхе или при какой -нибудь не очень сложной и не отвлекающей внимания болезни?

Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание - понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми. Но все это дается только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится - вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать.

Если первый раз прочли произведение невнимательно - читайте еще раз, в третий раз. У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку (когда накапливается раздражение друг против друга), то посмеяться, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-либо другим. "Бескорыстному" чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были отсутствовать на уроках - то они рыли окопы под Ленинградом, то должны были помочь какой-либо фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой учитель отсутствовал, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя и радоваться предстоящему. Так мы прослушали многие места из "Войны и мира", "Капитанской дочки", несколько рассказов Мопассана, былинку о Соловье Будими-ровиче, другую былинку о Добрыне Никитиче, Повесть о Горе-Злосчасти, басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда в детстве. А дома отец и мать любили читать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся места читали и для нас. Читали Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы: все, что нравилось им и что постепенно начинало нравиться и нам.

"Незаинтересованное", но интересное чтение - вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека.

Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все - она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь.

Почему телевизор частично вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор заставляет вас не торопясь просмотреть какую-то передачу, сесть поудобнее, чтобы вам ничего не мешало, он вас отвлекает от забот, он вам диктует - как смотреть и что смотреть. Но постарайтесь выбирать книгу по своему вкусу, отвлекитесь на время от всего на свете тоже, сядьте с книгой поудобнее, и вы поймете, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи. Я не говорю: перестаньте смотреть телевизор. Но я говорю: смотрите с выбором. Тратьте свое время на то, что достойно этой траты. Читайте же больше и читайте с величайшим выбором. Определите сами свой выбор, сообразуясь с тем, какую роль приобрела выбранная вами книга в истории человеческой

культуры, чтобы стать классической. Это значит, что в ней что-то существенное есть. А может быть, это существенное для культуры человечества окажется существенным и для вас?

Классическое произведение - то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суетны. Суетность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, - свое время.

Д.С. Лихачев. ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Нередко в близком человеке — сыне, дочери, муже, жене — вдруг обнаруживается интерес, о котором мы раньше не подозревали, склонность к занятиям, для нас неожиданная. Эти интерес и склонность требуют времени, случается отвлекают от того, что домашним кажется более важным и разумным. Увлеченные не всегда могут объяснить, зачем им это надо, что им это дает. А иногда их объяснения не удовлетворяют. Не всегда у нас хватает благоразумия и такта, чтобы сказать себе: — Я этого не понимаю. Постараюсь понять. Но не стану спешить с осуждением.

Пришлось мне отвечать однажды на письмо молодой радиослушательницы. Было это довольно давно, но ее письмо я помню до сих пор. Она вышла замуж. Хорошо, удачно. По любви. В письме хвалила мужа: добрый, заботливый, помогает по хозяйству, непьющий. Но в их отношениях неожиданно возникла трещина.

Она с детства любит серьезную музыку. Бывала в концертах, когда в их город приезжали на гастроли музыканты. Постоянно слушала музыкальные передачи по радио. Когда познакомилась со своим будущим мужем, заговорила с ним о том, что означает серьезная музыка для нее, он пропустил это мимо ушей. И вот они поженились... В их город спустя некоторое время приехал симфонический оркестр. Событие!

Она обрадовалась, купила билеты, сказала мужу, что приглашает его на концерт, и объяснила, что там будут исполнять. Он раздраженно ответил: «Чего я там не видел?» Она попыталась объяснить ему, что он там услышит, да и увидит. Когда играют хорошие музыканты, есть не только что слушать, но и на что смотреть. Он наотрез отказался. «За дурака меня считаешь?» Без него она пойти не решилась.

С тех пор только включит радио, когда передают серьезную музыку, он раздражается и резко выключает приемник. Ему кажется, что, слушая музыку и наслаждаясь ею, она притворяется, демонстрирует свое превосходство над ним. Пошли недоразумения, дальше — больше — ссоры. И вот уже в ее душе силой гасится не искорка, а живой огонь благородного увлечения.

А ведь этот огонь мог бы светить им обоим! Мог бы согреть общей радостью много часов их жизни и повлиять на вкусы их детей. Для этого от него требовалось малость — сказать себе: да, не понимаю я музыки, какую любит жена. Меня она не радует. А жена эту музыку понимает и радуется. Значит, надо мне попробовать понять, что она находит в том, что мне недоступно. Может, и я пойму. А не пойму — не запрещать же ей наслаждаться тем, что мне не дано. Сам притворяться не буду, ее переделывать не стану. Но он так не подумал и так себе не сказал. Конфликт обострился до крайности. И вот пришло письмо, выразившее неподдельную тревогу: посоветуйте, помогите.

И меня и всех в редакции, кто прочитал письмо, оно тронуло и взволновало. Ответить на него оказалось нелегко. Мало над какой передачей трудились мы так, как над этой. Постарались, чтобы ответ был обращен к обоим — и к нему и к ней. Постарались убедить его — и словами и музыкой, прозвучавшей в ответе. Постарались утешить ее, тоже и словами и музыкой.

Помог ли я ей, точнее, помог ли им — беда взаимонепонимания их общая беда — не знаю. Они не отозвались.

Готовя передачу, я много слушал музыку, встречался с людьми, похожими на этих молодых людей, — понял яснее, чем прежде, какая тонкая, какая деликатная область —

мир вкусов, увлечений, пристрастий. Как порой трудно разобраться в том, что в человеке — главное, существенное, а что поверхностное, кажущееся...

(С.С. Львов)

(1) Немолодая женщина, крупный учёный, рассказала такую историю:

(2) «Я переходила площадь, меня толкнул какой-то пьяный, я упала на колени, поранила их, и из ран по ногам потекла кровь ручьём. (3) Я зашла в ближайшую поликлинику и сказала сестре: «Пожалуйста, окажите мне первую помощь».

(4) Она вежливо направила меня в хирургический кабинет. (5) В кабинете за столом сидела величественная дама. (6) Хирург и главный врач поликлиники. (7) Я сказала:

— Я в крови. (8) Пожалуйста, окажите мне первую помощь.

— (9) С половины третьего! — железным голосом ответила она.

(10) Часы показывали два.

— (11) Но ведь у меня кровь течёт, помогите мне!

(12) И тогда она не крикнула. (13) Спокойно сказала:

— Выйдите отсюда!

(14) Я, конечно, вышла. (15) Я плакала».

(16) «Вы правы, — пишет она дальше, — сравнивая травму, нанесённую криком, с ударом ножа. (17) Но такой удар можно нанести и без крика. (18) Нормальным голосом».

(19) Ко врачу пришёл человек, чтобы залечить телесную рану, а тот нанёс ему рану душевную.

(20) И я подумал, как, увы, часто наносятся раны словом. (21) Раны от слова вызываются не только грубостью, но и необдуманном обращением со словом.

(22) В одной семье произошёл такой случай. (23) Дочка, ученица пятого класса, которая незадолго до того перенесла тяжёлое долгое заболевание, вернулась однажды домой бледная. (24) Сказала:

— В эту школу я больше не пойду.

(25) Ничего объяснять она не стала. (26) Видно было только: потрясена безмерно.

— (27) Лучше умереть, чем в эту школу.

(28) Родители решили перевести девочку в соседнюю школу. (29) И только спустя годы она рассказала, в чём было дело. (30) На медицинском осмотре в присутствии подруг школьный врач сочувственно воскликнула:

— С таким сердцем жить нельзя!

(31) Вот так и сказала. (32) Подруги засыпали девочку вопросами. (33) Она молча оделась и молча вышла из школы. (34) Вышла, чтобы больше никогда туда не возвращаться.

(35) Никому ничего не сказала, чтобы никого из близких не огорчать.

(36) Она верила старшим и думала, что живёт последние недели.

(37)Эту рану словом нанесли не злость, не грубость, а глупость, невежество.

(38)Когда таких примеров из собственного опыта и опыта окружающих и размышлений по их поводу накопилось много, я выступил по радио с беседой на тему «Осторожно — слово!». (39)Не предлагал ничего особенного и необычного, просто советовал обращаться со словом обдуманно. (40)Применять, например, давно выработанные и общепринятые формулы вежливости и отказаться от таких оборотов, как: «Не видишь что ли?!»,

«Ослеп?», «Оглох?», тем более что есть опасность действительно угодить в человека, который плохо видит или плохо слышит. (41)Я напоминал другие слова, приветливые, вежливые, благожелательные. (42)И заканчивал передачу так: «Будьте осторожны со словом; грубое — обоюдоостро и часто мстит за себя!»

(43)На меня обрушилась лавина откликов. (44)Большинство откликнувшихся на моё выступление соглашались: со словом надо обращаться осторожно.

(45)Однако нашлись люди, кого сама постановка этой проблемы привела в раздражение. (46)Они утверждают: без грубости не обойтись и обходиться без неё не надо! (47)Под грубостью они понимают и крайнюю её форму — нецензурную брань. (48)Без неё-де и соваться нечего на стройку, в цех, в поле.

(49)Да и в домашнем быту без крепкого слова немислимо.

(50)Крик и брань не свидетельство силы и не доказательство. (51)Сила — в спокойном достоинстве. (52)Заставить себя уважать, не позволить, чтобы вам грубили, нелегко. (53)Но опускаться до уровня хама бессмысленно. (54)Это значит отказываться от самого себя! (55)От собственной личности! (56)Вежливость, как правило, синоним внутренней силы и подлинного достоинства. (57)Спрашивать, зачем вежливость, так же бессмысленно, как задавать вопросы: «Зачем культура?», «Зачем красота?».

(По С. Львову*)

(1) Приобщение к искусству может происходить и в просторном, специально построенном здании, и в четырёх стенах, и под открытым небом. (2) Показывают ли зрителям очередную кинокартину, ведут ли занятия драматического кружка, самодеятельного хора или кружка по изобразительному искусству — во всём этом должен и может подолгу жить огонь творчества. (3) И тот, кто однажды приложит свои собственные усилия к одному из этих дел, со временем будет вознаграждён.

(4) Безусловно, искусство скорее и охотнее раскрывается тому, кто сам отдаёт ему силы, раздумья, время, внимание.

(5) Рано или поздно каждый может почувствовать, что он среди знакомых и друзей в неравном положении. (6) Их, например, интересуется музыка или живопись, а для него они — книги за семью печатями. (7) Реакция на такое открытие возможна различная.

(8) Когда я стал студентом Института истории, философии и литературы, многое связало меня сразу с новыми товарищами. (9) Мы серьёзно занимались литературой, историей, языками. (10) Многие из нас пробовали писать сами. (11) Словно предчувствуя, каким недолгим будет наше студенчество, спешили успеть как можно больше. (12) Не только слушали лекции на своих курсах, но и ходили на лекции, читавшиеся старшекурсникам. (13) Успевали на семинары молодых прозаиков и критиков. (14) Старались не пропускать театральные премьеры и литературные вечера. (15) Как мы всё успевали, не знаю, но успевали. (16) Меня приняли в свою среду студенты, которые были на курс старше нашего. (17) Интереснейшая то была компания.

(18) Я старался не отставать от неё, и мне это удавалось. (19) За одним исключением. (20) Мои новые товарищи горячо интересовались музыкой. (21) У одного из нас была большая по тем временам редкость: радиола с устройством для переворачивания пластинок — долгоиграющих тогда ещё не было, — которая позволяла прослушать целую симфонию, концерт или оперу без перерывов. (22) И коллекция камерной, оперной и симфонической музыки.

(23) Когда начиналась эта непереносимая часть нашего вечера, товарищи слушали и наслаждались, а я скучал, томился, мучился: музыки я не понимал, и радости она мне не доставляла. (24) Конечно, можно было притвориться, прикинуться, придать лицу подобающее выражение, проговорить вслед за всеми: «Прекрасно!» (25) Но притворяться, изображать чувства, которых не испытываешь, у нас было не в обычае. (26) Я забивался в угол и страдал, чувствуя себя выключенным из того, что так много значит для моих товарищей.

(27) Хорошо помню, как произошёл перелом. (28) Зимой 1940 года был объявлен авторский вечер тогда ещё молодого Д. Д. Шостаковича — первое исполнение его фортепианного квинтета. (29) Друзья взяли билет и мне. (30) Вручали его торжественно. (31) Я понял: то, что предстоит, — событие!

(32) Не стану утверждать, что я в тот вечер сразу и навсегда излечился от невосприимчивости к музыке. (33) Но поворот — решительный и важный — произошёл. (34) Как я благодарен своим друзьям тех давних лет, что они не махнули рукой, не исключили из слушания музыки — а ведь и исключать не нужно было, при тогдашнем по-юношески ранимом самолюбии хватило бы иронической реплики, чтобы я почувствовал себя среди них, понимающих и знающих, лишним. (35) Этого не случилось.

(36)Прошло много лет. (37)Уже давно серьёзная музыка для меня — необходимость, потребность, счастье. (38)А ведь можно было — навсегда и непоправимо — разминуться с ней. (39)И обездолить себя.

(40)Этого не случилось. (41)Во-первых, я не встал в позу человека, который, не понимая чего-нибудь, говорит вслух или мысленно: «Ну и не надо!» (42)И потому, что не захотел притворяться, делая вид, что понимаю, когда ещё был очень далёк от этого. (43)А больше всего — благодаря моим друзьям.

(44)Им мало было наслаждаться самим. (45)Им хотелось и меня приобщить к своему пониманию, к своей радости. (46)И это им удалось!

(По С. Львову).

(1)Писем от Марьяны, старой нашей няньки, ждать не приходилось. (2)Мы с отцом решили её проведать.

(3)Ухоженный дом престарелых для бывших партийных работников стоял в редком пригородном лесочке. (4)Марьяна вышла к нам из дома со своей обычной радостной улыбкой до ушей. (5)Но только эта широкая улыбка да ещё медвежья неуклюжесть движений остались от совсем поседевшей няньки. (6)Да ещё, как прежде, она молола языком без перерыва.

(7)Оказалось, что здесь ей быстро наскучило сидеть сложа руки, и она попросилась в помощники на кухню. (8)Обслуга давно догадалась, что ни к советским, ни к партийным работникам Марьяна не принадлежит, а относится к разряду законченных простофиль, и на кухню бесплатного работника приняли без всяких проволочек. (9)Няня была очень довольна своей карьерой.

— (10)И тут пригодилась! — хвасталась она, выставляя перед нами дрожащие руки. — (11)С утра вот этими руками мешок картошки перечищу... (12)Палата у нас большая, что церковь, — продолжала она. — (13)На четверых. (14)Но одна бабка померла, и теперь койка гуляет. (15)А нам и лучше, свободнее!..

(16)Вообще она бодрилась изо всех сил и явно старалась убедить нас, как ей хорошо, славно живётся. (17)Но я слушал её, и сердце моё сжималось, а глаза почему-то не хотели смотреть на Марьяну. (18)Чувствовалось, предложи мы ей сейчас оставить этот замечательный приют с прекрасно налаженным бытом и поехать вместе с нами домой, она без раздумья пошла бы к машине.

(19)Уже когда мы прощались, обещая обязательно навестить её снова, Марьяна вспомнила ещё одно дело.

— (20)Пенсия моя пропадает! — сказала она отцу с непреходящей улыбкой. — (21)Санитарки очки у бабок попрячут и деньги их прибирают. (22)А что сделаешь? — спохватилась она, поняв, что бросает тень на репутацию своего великолепного заведения. — (23)Они ж молодые, скорые. (24)Ты скажи, чтобы мою пенсию в банке складывали. (25)А когда меня закопают в землю, — тут она, как встарь, попыталась лихо топнуть ногой, — отдай эти деньги меньшему. — (26)Она имела в виду моего младшего брата.

(27)Отец, тоже, видимо, слегка расчувствовавшийся от встречи с Марьяной, заговорил было, что она проживёт ещё сто лет. (28)Но что-то новое и серьёзное скользнуло по лицу няни. (29)И она оборвала отца:

— Да нет...

(30)В конце лета из дома престарелых позвонили и сообщили о смерти Марии Ивановны Миколуцкой.

(31)Где её похоронили, неизвестно. (32)Ни один из нас не побывал на её могиле. (33)А нынче эту могилу уже не сыщешь. (34)Одиноким старухам, умирающим в домах престарелых, ни металлических крестов, ни каменных надгробий не полагается. (35)Достаётся им чаще всего деревянный колышек с фанерной дощечкой, на которой небрежно написаны фамилия и даты рождения и смерти.

(36)Но через год-другой дождь и снег отнимают у фанерки чернильную надпись, колышек падает, могильный холмик оседает, и никаких следов того, что здесь лежат чьи-то кости, не остаётся. (37)Остаётся просто земля, из которой каждую весну дружно лезут куриная слепота, конский щавель, лопухи и одуванчики.

(38)Сейчас мне кажется, что так и должно быть. (39)Во что ещё могла превратиться наша няня, как не в простую землю, заросшую травой?

(40)Так я говорю себе и с подозрением прислушиваюсь к собственным словам: не пытаюсь ли я успокоить свою совесть?

(По Б. Екимову*)

На севере вятской земли, в селе Пестове, был случай, о котором, может быть, и поздно, но хочется рассказать.

Когда началась так называемая кампания по сносу деревень, в деревне километрах в двенадцати от Пестова жил хозяин. Он жил бобылем. Похоронив жену, больше не женился, тайком от всех ходил на кладбище, сидел подолгу у могилки жены, клал на холмик полевые и лесные цветы. Дети у них были хорошие, работающие, жили своими домами, жили крепко (сейчас, конечно, все разорены), старика навещали. Однажды объявили ему, что его деревня попала в число неперспективных, что ему дают квартиру на центральной усадьбе, а деревню эту снесут, расширят пахотные земли. Что такой процесс идет по всей России. "Подумай, -- говорили сыновья, -- нельзя же к каждой деревне вести дорогу, тянуть свет, подумай по-государственному".

Сыновья были молоды, их легко было обмануть. Старик же сердцем понимал: идет нашествие на Россию. Теперь мы знаем, что так оно и было. Это было сознательное убийство русской нации, опустошение, а вслед за этим одичание земель. Какое там расширение пахотной площади! болтовня! Гнать трактора с центральной усадьбы за десять--пятнадцать километров -- это разумно? А выпасы? Ведь около центральной усадьбы все будет вытоптано за одно лето. И главное - личные хозяйства. Ведь они уже будут -- и стали -- не при домах, а поодаль. Придешь с работы измученный, и надо еще тащиться на участок, полоть и поливать. А покосы? А живность?

Ничего не сказал старик. Оставшись один, вышел во двор. Почти все, что было во дворе, хлевах, сарае, - все должно было погибнуть. Старик глядел на инструменты и чувствовал, что предает их. Он затопил баню, старая треснутая печь дымила, ело глаза, и старик думал, что плачет от дыма. Заплаканным и перемазанным сажей он пошел на кладбище.

Назавтра он объявил сыновьям, что никуда не поедет. Они говорили: "Ты хоть съезди посмотри квартиру. Ведь отопление, ведь электричество, ведь водопровод!" Старик отказался наотрез.

Так он и зимовал. Соседи все перебрались. Старые дома разобрали на дрова, новые раскатали и увезли. Проблемы с дровами у старика не было: керосина ему сыновья достали, а что касается электричества и телевизора, то старик легко обходился без них. Из всей скотины у него остались три курочки и петух, да еще кот, да еще песик, который жил в сенях. Даже в морозы старик был непреклонен и не пускал его в избу.

Весной вышел окончательный приказ. Сверху давили: облегчить жизнь жителям неперспективных деревень, расширить пахотные угодья. Коснулось и старика. Уже не только сыновья, но и начальство приезжало его уговаривать. Кой-какие остатки сараев, бань, изгородь сожгли. Старик жил как на пепелище, как среди выжженной фронтовой земли.

И еще раз приехал начальник: "Ты сознательный человек, подумай. Ты тормозишь прогресс. Твоей деревни уже нет ни на каких картах. Политика такая, чтоб Нечерноземье поднять. Скажу тебе больше: даже приказано распахивать кладбища, если со дня последнего захоронения прошло пятнадцать лет".

Вот это - о кладбищах - поразило старика больше всего. Он представил, как по его Анастасии идет трактор, как хрустит и вжимается в землю крест, - нет, это было невыносимо.

Но сыновьям, видно, крепко приказали что-то решать с отцом. Они приехали на тракторе с прицепом, стали молча выносить и грузить вещи старика: постель, посуду, настенное зеркало. Старик молчал. Они подошли к нему и объявили, что, если он не поедет, его увезут насильно. Он не поверил, стал вырываться. Про себя он решил, что будет жить в лесу, выкопает землянку. Сыновья связали отца -- "Прости, отец" -- посадили в тракторную тележку и повезли. Старик мотал головой и скрипел зубами. Песик бежал за трактором, а кот на полдороге вырвался из рук одного из сыновей и убежал обратно в деревню.

Больше старик не сказал никому ни слова.

(Крупин Владимир Николаевич. Упрямый старик.)

(1) Мир вокруг нас меняется. (2) И язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестаёт выполнять свою функцию.

(3) Мы не сможем говорить на нём об этом мире, потому что у нас просто не хватит слов.

(4) И не так уж важно, идёт ли речь о домовых сычах, новых технологиях или новых политических и экономических реалиях. (5) Объективно всё правильно, язык должен меняться, и он меняется. (6) Более того, запаздывание изменений приносит людям значительное неудобство, но и очень быстрые изменения могут мешать и раздражать.

(7) Что же конкретно мешает мне и раздражает меня?

(8) Не люблю, когда я не понимаю отдельных слов в тексте или в чьей-то речи.

(9) Даже если я понимаю, что это слово из английского языка, и могу вспомнить, что оно там значит, меня это раздражает. (10) Позавчера я споткнулся на стритрейсерах, вчера — на трендсеттерах, сегодня — на дауншифтерах, и я точно знаю, что завтра будет только хуже.

(11) К заимствованиям быстро привыкаешь, и уже сейчас трудно представить себе русский язык без слова «компьютер» или даже без слова «пиар» (хотя многие его и недолюбливают). (12) Я, например, давно привык к слову «менеджер», но вот никак не могу разобраться во всех этих «сейлз-менеджерах», «аккаунт-менеджерах» и им подобных. (13) Я понимаю, что без «специалиста по недвижимости» или «специалиста по порождению идей» не обойтись, но ужасно раздражает, что одновременно существуют «риэлтор», «риелтор», «риэлтер» и «риелтер», а также «криэйтор», «криейтор» и «креатор». (14) А лингвисты при этом либо просто не успевают советовать, либо дают взаимоисключающие рекомендации.

(15) Когда-то я с лёгкой иронией относился к эмигрантам, приезжающим в Россию и не понимающим некоторых важных слов, того же «пиара», скажем. (16) И вот теперь я сам, даже никуда не уезжая, обнаружил, что некоторые слова я не то чтобы совсем не понимаю, но понимаю их только потому, что знаю иностранные языки, прежде всего английский.

(17) Мне, например, стало трудно читать спортивные газеты (почему-то спортивные журналисты особенно не любят переводить с английского на русский, а предпочитают сразу заимствовать). (18) В репортажах о боксе появились загадочные «панчеры» и «крузеры»; в репортажах о футболе — «дерби», «монегаски» и «манкунианцы». (19) Да что говорить, я перестал понимать, о каких видах спорта идёт речь! (20) Я не знал, что такое кёрлинг, кайтинг или банджи-джампинг (теперь знаю).

(21) Окончательно добил меня хоккейный репортаж, в котором было сказано о канадском хоккеисте, забившем гол и сделавшем две «ассистенции». (22) Поняв, что речь идёт о голевых пасах (или передачах), я, во-первых, поразился возможностям языка, а во-вторых, разозлился на журналиста, которому то ли лень было перевести слово, то ли, как говорится, «западло». (23) Потом я, правда, сообразил, что был не вполне прав не только по отношению к эмигрантам, но и к спортивному журналисту. (24) Ведь глагол «ассистировать» (в значении «делать голевой пас»), да и слово «ассистент» в соответствующем значении уже стали частью русской спортивной терминологии. (25) Так чем хуже «ассистенция»?

(26) Но правды ради должен сказать, что более я этого слова не встречал.

(27)Думаю, что почти у каждого, кто обращает внимание на язык, найдутся претензии к сегодняшнему его состоянию, может быть, похожие, может быть, какие-то другие (вкусы ведь у нас у всех разные, в том числе и языковые).

(28)Я, в принципе, не против сленга (и других жаргонов). (29)Я просто хочу понимать, где граница между ним и литературным языком. (30)Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать; я хочу знать, где в этих словах ставить ударение и как их правильно писать. (31)Я, в принципе, не против языковой свободы: она, (конечно, в разумных пределах) способствует творчеству и делает речь более выразительной.

(32)Но мне не нравится языковой хаос (который вообще-то является её обратной стороной), когда уже не понимаешь, игра это или безграмотность, выразительность или грубость.

(По М.А. Кронгаузу*)

(1) Лишь совсем недавно человек узнал, что Земля — это шар. (2) Думали, стоит Земля на трёх слонах, а ночью звёздный мир укрывает Землю. (3) Теперь вокруг шара человек облетает менее чем за два часа. (4) Землю можно увидеть со стороны. (5) Вот снимок, сделанный из космоса. (6) Да, Земля — это шар, на нём видны материки, моря, облака, восходы и заходы Солнца. (7) Подробности земной жизни издалека не видны, но они есть, их много...

(8) Два десятка лет назад американцы провели опрос учёных: что дали человечеству полёты в космос? (9) Ответы были интересные. (10) Мне запомнился этот: «Во Вселенной мы одни, и не похоже, что где-нибудь нас ждут. (11) Надо беречь свой дом — родную Землю». (12) Хороший ответ.

(13) Сегодня с высоты своих знаний человек может сказать: «Замечательная нам досталась планета». (14) В самом деле, есть на планете вода, без которой жизнь была бы невозможной. (15) Близость Солнца даёт не иссякающее от времени тепло.

(15) Вращение Земли обеспечивает чередование дней и ночей на планете, смену времён года. (17) Зелёные растения наполняют атмосферу кислородом, накапливают углерод и выделяют в верхние слои атмосферы животворный кислород и озон, прикрывающий всё живое от губительных лучей Солнца.

(18) Конечно, зародившейся жизни миллионы лет приходилось приспосабливаться к изначальным условиям на планете. (19) Живые организмы уступали место на Земле более совершенным. (20) От многих животных уцелели лишь кости. (21) Но некоторые дожили до наших времён. (22) Живут в океанской воде на грани истребления человеком громадные киты — самые большие существа, когда-либо жившие на Земле. (23) Самые маленькие из млекопитающих — крохотная мышшь-малютка и землеройка, весящая всего два грамма.

(24) Между китами и мышами — огромное число животных, которым Земля стала родным домом. (25) И во главе всего сущего стоит человек. (26) Он часто решает, кому жить, а кому в жизни отказано.

(27) Миллионы лет отбирала Природа животных, определяя места, где они могут жить, чем могут кормиться. (28) Человек давно изучил эти места и первым тянется к добыче, разрушает среду, где привычно и благополучно живут звери, птицы, рыбы. (29) Так разрушаются основы нашего общего Дома.

(30) Много животных исчезли или стали исключительно редкими. (31) Уже давно мы не видим пролетающих журавлей, мало кто слышит токующих глухарей, крик перепёлок. (32) И так везде на Земле. (33) Двести лет назад американцы варварски истребили миллионы бизонов, а в середине прошлого века химия подкосила в Америке культовую птицу — белоголового орлана. (34) В Африке на больших пространствах уничтожили тысячи носорогов — нужна была земля для посевов зерна. (35) Растут площади жарких пустынь и пустошей, истощаются плодородные земли, высыхают озёра, исчезают на равнинах малые реки.

(36) Вот что имел в виду учёный, ответивший на вопрос о космосе. (37) Планету Земля нам надо беречь. (38) Никто не ждёт нашей высадки на другие планеты. (39) А Земля по-прежнему нас кормит, даёт нам дышать, снабжает водой, теплом и радостью жизни, идущей от наших соседей: зверей, птиц, рыб, насекомых, образующих сложный узор жизни на нашей планете.

(40) Вот как выглядит Земля, если глянуть на неё со стороны. (41) Очертания материков. (42) Следы деятельности вулканов. (43) Огни больших городов и маленьких деревень. (44) Озёра на суше. (45) Острова в океане. (46) Земля, изрытая шахтами и лисьими норами. (47) Земля, покрытая следами зверей, хлебными полями и кудрями лесов... (48) Такой общий наш Дом.

(По В. Пескову*)

Днём и ночью висели над Волгой вражеские бомбардировщики. Они гонялись не только за буксирами, самоходками, но и за рыбацкими лодками, за маленькими плотиками — на них иногда переправляли раненых. Но речники города и военные моряки Волжской флотилии несмотря ни на что доставляли грузы.

Однажды был такой случай...

Вызывают на командный пункт сержанта Смирнова и дают задание: добраться до того берега и передать начальнику тыла армии, что ночь еще у центральной переправы войска продержится, а утром отражать атаки противника будет нечем. Нужно срочно доставить боеприпасы.

Кое-как добрался сержант до начальника тыла, передал приказ командарма генерала Чуйкова.

Быстро нагрузили бойцы большую баржу и стали ждать баркас.

Ждут и думают: «Подойдет мощный буксир, подцепит баржу и быстренько через Волгу перебросит».

Глядят бойцы — плюхает старый пароходишко, и назван-то он как-то неподходяще — «Ласточка». Шум от него такой, что уши затыкай, а скорость, как у черепахи. «Ну, думают, — на таком и до середины реки не добраться».

Но командир баржи постарался успокоить бойцов:

— Не смотрите, что пароходишко тихоходный. Он таких барж, как наша, не одну перевез. Команда у «Ласточки» боевая.

Подходит «Ласточка» к барже. Смотрят бойцы, а команды-то на ней всего три человека: капитан, механик и девушка.

Не успел пароходик к барже подойти, девушка, дочь механика Григорьева — Ирина, ловко зацепила крюк троса и кричит:

— Давайте несколько человек на баркас, помогать будете от фашистов отбиваться!

Сержант Смирнов и двое бойцов прыгнули на палубу, и «Ласточка» потащила баржу.

Только вышли на плес — закружили в воздухе немецкие самолеты-разведчики, над переправой повисли на парашютах ракеты.

Стало вокруг светло как днем.

За разведчиками налетели бомбардировщики и начали пикировать то на баржу, то на баркас.

Бойцы из винтовок бьют по самолетам, бомбардировщики чуть не задевают крыльями трубы, мачты баркаса. Справа и слева по бортам столбы воды от взрывов бомб. После каждого взрыва бойцы с тревогой оглядываются: «Неужели всё. Попали?!» Смотрят — баржа двигается к берегу.

Капитан «Ласточки», Василий Иванович Крайнов, старый волгарь, знай рулевое колесо вправо-влево крутит, маневрирует — уводит баркас от прямых попаданий. И всё — вперед, к берегу.

Заметили парходик и баржу немецкие минометчики и тоже начали обстреливать.

Мины с воем пролетают, шмякаются в воду, свистят осколки.

Одна мина попала на баржу.

Начался пожар. Пламя побежало по палубе.

Что делать? Перерубить трос? Огонь вот-вот подберется к ящикам со снарядами. Но капитан баркаса круто повернул штурвал, и... «Ласточка» пошла на сближение с горящей баржей.

Кое-как причалили к высокому борту, схватили багры, огнетушители, ведра с песком — и на баржу.

Первой — Ирина, за ней бойцы. Засыпают огонь на палубе. Сбивают его с ящиков. И никто не думает, что каждую минуту любой ящик может взорваться.

Бойцы сбросили шинели, бушлаты, накрывают ими языки пламени. Огонь обжигает руки, лица. Душно. Дым. Дышать трудно.

Но бойцы и команда «Ласточки» оказались сильнее огня. Боеприпасы были спасены и доставлены на берег.

* * *

Таких рейсов у всех баркасов и катеров Волжской флотилии было столько, что не счесть. Героические рейсы.

Скоро в городе на Волге, там где была центральная переправа, поставят памятник всем речникам-героям.

(По В.Богомолову).

Я уже смутно помню этого сутулого худощавого человека, всю жизнь представлявшегося мне стариком. Опираясь о большой зонт, он неутомимо от зари до зари шагал по обширнейшему участку. Это был район бедноты, сюда не ездили извозчики, да у доктора Янсена на них и денег-то не было. А были неутомимые ноги, великое терпение и долг. Неоплатный долг интеллигента перед своим народом. И доктор бродил по доброй четверти губернского города Смоленска без выходных и без праздников, потому что болезни тоже не знали ни праздников, ни выходных, а доктор Янсен сражался за людские жизни. Зимой и летом, в слякоть и вьюгу, днём и ночью.

Врачебный и человеческий авторитет доктора Янсе-на был выше, чем можно себе вообразить в наше время. Он обладал редчайшим даром жить не для себя, думать не о себе, заботиться не о себе, никогда никого не обманывать и всегда говорить правду, как бы горька она ни была. Такие люди перестают быть только специалистами: людская благодарная молва приписывает им мудрость, граничащую со святостью. И доктор Янсен не избежал этого. Человек, при жизни возведенный в ранг святого, уже не волен в своей смерти, если, конечно, этот ореол святости не создан искусственным освещением. Доктор Янсен был святым города Смоленска, а потому и обреченным на особую, мученическую смерть. Нет, не он искал героическую гибель, а героическая гибель искала его.

Доктор Янсен задохнулся в канализационном колодце, спасая детей.

В те времена центр города уже имел канализацию, которая постоянно рвалась, и тогда рылись глубокие колодцы. Над колодцами устанавливался ворот с бадьей, которой откачивали просочившиеся сточные воды. Процедура была длительной, рабочие в одну смену не управлялись, все замирало до утра, и тогда бадьей и воротом завладевали мы. Нет, не в одном катании — стремительном падении, стоя на бадье, и медленном подъеме из тьмы — таилась притягательная сила этого развлечения.

Провал в преисподнюю, где нельзя дышать, где воздух перенасыщен метаном, впрямую был связан с недавним прошлым наших отцов, с их риском, их разговорами, их воспоминаниями. Наши отцы прошли не только гражданскую, но и мировую, «германскую» войну, где применялись реальные отравляющие вещества.

И мы, сдерживая дыхание, с замирающим сердцем летели в смрадные дыры, как в газовую атаку.

Обычно на бадью становился один, а двое вертели ворот. Но однажды решили прокатиться вдвоем, и веревка оборвалась. Доктор Янсен появился, когда возле колодца металась двое пацанов. Отправив их за помощью, доктор тут же спустился в колодец, нашел уже потерявших сознание мальчишек, сумел вытащить одного и, не отдохнув, полез за вторым. Спустился, понял, что еще раз ему уже не подняться, привязал мальчика к обрывку веревки и потерял сознание. Мальчики пришли в себя быстро, но доктора Янсена спасти не удалось.

Так погиб последний святой города Смоленска, ценою своей жизни оплатив жизнь двух мальчиков, и меня потрясла не только его смерть, но и его похороны. Весь Смоленск от мала до велика хоронил своего Доктора.

(Б.Л.Васильев)

(1) Бабка Катерина, иссохшая, горбатенькая от возраста старушка, никак не могла собраться для отъезда.

(2) Последние годы она уезжала зимовать к дочери в город. (3) Возраст: трудно каждый день печку топить да воду носить из колодца. (4) По грязи да в гололёд. (5) Упадёшь, расшибёшься. (6) И кто поднимет?

(7) Но с хутором, с гнездом насиженным нелегко расставаться. (8) Да и о доме душа болела. (9) На кого его оставишь?

(10) Вот думала: ехать, не ехать?.. (11) А тут ещё телефон привезли на подмогу - «мобилу». (12) Долго объясняли про кнопки: какие нажимать, а какие не трогать. (13) Обычно звонила дочь их города, по утрам.

(14) Запоёт весёлая музыка, вспыхнет в коробочке свет.

- (15) Мама, здравствуй! (16) Ты в порядке? (17) Молодец. (18) Вопросы есть? (19) Вот и хорошо. (20) Целую. (21) Будь-будь.

(22) Не успеешь опомниться, а уже свет потух, коробочка смолкла

(23) А тут, то есть в жизни хуторской, стариковской, было много всего, о чём рассказать хотелось.

- (24) Мама, слышишь меня?

- (25) Слышу!.. (26) Это ты, доча? (27) А голос будто не твой. (28) Ты не хвораешь? (29) Гляди одевайся теплей. (30) Здоровье береги.

- (31) Мама, - донеслось из телефона строгое. - (32) Говорит по делу. (33) Мы же объясняли: тариф.

- (34) Прости Христа ради, - опомнилась старая женщина. (35) Её ведь предупреждали, когда телефон привезли, то он дорогой и нужно говорить короче - о самом главном.

(36) Но что в жизни главное? (37) Особенно у старых людей.

(38) Прошёл ещё один день. (39) А утром слегка подморозило. (40) Деревья, кусты и сухие травы стояли в лёгком белом пушистом инее. (41) Старая Катерина, выйдя во двор, глядя вокруг, на эту красоту, радуясь, а надо бы вниз, под ноги глядеть. (42) Шла-шла, запнулась, упала. Больно ударившись о корневище груши.

(43) Неловко начался день, да так и не пошёл на лад.

(44) Как всегда поутру, засветил и запел телефон мобильный.

- (45) Здравствуй, моя доча, здравствуй. (46) Одно лишь звание, что жива. (47) Я нынче так ударилась, - пожаловалась она. - (48) Не то нога подвернулась, а может, скользко. (48) Где, где. (49) Во дворе, пошла воротца отворять, а там груша. (50) Я из неё компот варю. (51) Ты его любишь. (52) А то бы я её давно убрала. (53) Возле этой груши.

- (54) Мама, говори, пожалуйста, конкретной. (55) О себе, а не о груше. (56) Не забывай, что это мобильник, тариф. (57) Что болит? (58) Ничего не сломала?

- (59) Вроде бы не сломала, - всё поняла старая женщина. - (60) Приложила капустный лист.

(61) На том и закончился с дочерью разговор. (62) Остальное самой пришлось досказывать.

(63) И от мыслей разных старая женщина даже всплакнула, ругая себя: «Чего ревёшь?..»

(64) Но плакалось. (65) И от слёз вроде бы стало легче.

(66) А в обеденный неурочный час, совсем неожиданно, заиграла музыка и засветился мобильный телефон. (67) Старая женщина испугалась:

- (68) Доча, доча, чего случилось? (69) Не заболел кто? (70) Ты на меня, доча, не держи обиду. (71) Я знаю, что дорогой телефон, деньги большие. (72) Но я ведь и вправду чуть не убилась.

(73) Издалека, через многие километры, донёлся голос дочери:

- (74) Говори, мама, говори.

- (75) Прости, моя доча. (76) Ты слышишь меня?..

(77) В далёком городе дочь её слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платке. (78) Увидела, но почувствовала вдруг, как всё это зыбко и ненадёжно: телефонная связь, видение.

- (79) Говори, мама, - просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвётся и, может быть, навсегда этот голос и эта жизнь. - (80) Говори, мама, говори.

(По Б. Екимову*)

(1) Старая деревня с её тысячелетней историей уходит сегодня в небытие.(2) А это значит - рушатся вековые устои, исчезает та многовековая почва, на которой росла вся наша национальная культура: её этика и эстетика, её фольклор и литература, её чудо-язык. (3) Деревня - наши истоки, наши корни.(4) Деревня - материнское лоно, где зародился наш национальный характер.

(5) И вот сегодня, когда старая деревня доживает свои последние дни, мы с новым, особым, обостренным вниманием вглядываемся в тот тип человека, который был создан ею, вглядываемся в наших матерей и отцов, дедов и бабок.

(6) Ох, немного выпало на их долю добрых слов!(7) А ведь именно на них, на плечах этих безымянных тружеников и воинов, прочно стоит здание всей нашей сегодняшней жизни!

(8) Вспомним, к примеру, только один подвиг русской женщины в минувшей войне.(9) Ведь это она, русская баба, своей сверхчеловеческой работой ещё в сорок первом году открыла второй фронт, которого так жаждала Советская Армия. (10) А как, какой мерой измерить подвиг той же русской бабы в послевоенную пору, в те времена, когда она, зачастую сама голодная, раздетая и разутая, кормила и одевала страну, с истинным терпением и безропотностью русской крестьянки несла тяжелый крест вдовы-солдатки, матери погибших на войне сыновей!

(11) Так что же удивительного, что старая крестьянка в нашей литературе на время потеснила, а порой и заслонила собой других персонажей?(12) Вспомним «Матрёнин двор» А. Солженицына, «Последний срок» В. Распутина, героинь В. Шукшина, А. Астафьева и В. Белова. (13) Нет, не идеализация это деревенской жизни и не тоска по уходящей избяной Руси, как с бездумной легкостью и высокомерием вещают некоторые критики и писатели, а наша сыновья, хотя и запоздалая благодарность.

(14) Это стремление осмыслить и удержать духовный опыт людей старшего поколения, тот нравственный потенциал, те нравственные силы, которые не дали пропасть России в годы самых тяжелых испытаний.

(15) Да, эти героини темные и малограмотные, да, наивные и чересчур доверчивые, но какие душевные россыпи, какой душевный свет! (16) Бесконечная самоотверженность, обостренная русская совесть и чувство долга, способность к самоограничению и состраданию, любовь к труду, к земле и ко всему живому - да всего не перечислишь.

(17) К сожалению, современный молодой человек, возвращенный в иных, более благоприятных условиях, не всегда наследует эти жизненно важные качества.(18) И одна из главнейших задач современной литературы - предостеречь молодежь от опасности душевного очерствения, помочь ей усвоить и обогатить духовный багаж, накопленный предшествующими поколениями.

(19) В последнее время мы много говорим о сохранении природной среды, памятников материальной культуры. (20) Не пора ли с такой же энергией и напором ставить вопрос о сохранности и защите непреходящих ценностей духовной культуры, накопленной вековым народным опытом...

(Ф.А.Абрамов)

(1)С признанием чрезвычайной важности глобальных проблем мы страшно опоздали. (2)Они застали нас врасплох. (3)Навёрстывая упущенное, мы стали слишком быстро и хаотически множить число этих проблем. (4)Перечислю некоторые. (5)Это отказ от войн, преодоление отсталости стран «третьего мира», демография, природные ресурсы, мировой океан, окружающая среда, освоение космоса... (6)Но приглядимся. (7)Не существует ли в действительности лишь одна-единственная (и теперь уже вечная) проблема — экологическая? (8)И не являются ли все остальные прямо или косвенно лишь её проявлением?

(9)Человечество сделалось той силой, которая поставила под угрозу само существование жизни. (10)И нет теперь такого человеческого действия, которое бы сказывалось на всей жизни бесследно, которое бы не ранило, не убивало её или не лечило, не приумножало, не совершенствовало.

(11)«Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить», — утверждает А. Швейцер. (12)Это и значит, что окружающая среда, «дом, в котором мы живём» есть не что иное, как живое жилище живой жизни. (13)И законом этого живого жилища является множасьее разнообразие форм жизни. (14)А в отношении к человеку этот же закон требует выявления и приумножения его личностной и национальной духовной неповторимости. (15)Чем разнообразнее жизнь, тем она живее, тем она бессмертнее.

(16)Мы подошли к краю пропасти прежде всего потому, что растеряли любовь к жизни. (17)И спасёт нас не столько отталкивание от смерти, сколько притяжение к жизни, возрождение любви к ней.

(18)Не случайно со всех сторон слышится: «экология культуры», «экология человека», «экология книги»... (19)Очень много экологий. (20)Это и означает оживление всего, что нас окружает, точнее, признание нашего «дома» живой жизнью, признание взаимозависимости всех форм жизни, признание бесконечных живых связей жизни.

(21)В глобальной экологической проблеме можно выделить главные неразрывные человеческие, социальные аспекты. (22)Во-первых, это сохранение, удлинение и оздоровление физической жизни каждого человека при полной реализации его неповторимой личности, его духовного потенциала. (23)Во-вторых, сохранение и духовное развитие каждого народа, каждой нации. (24)И самое главное — сосредоточение усилий всего человечества на физическом и духовном развитии детей. (25)Без решения этих вечных задач нам не выжить. (26)Эти задачи вдохновляют и заражают не только своей понятностью, реализмом и красотой (соединение физического и духовного), но и своей безальтернативностью перед угрозой небытия.

(27)Абсолютный приоритет экологии подводит действительно объективную основу под новую этику: «Добро — это сохранять жизнь, зло — это уничтожать жизнь, вредить жизни». (28)Живая жизнь породила человека. (29)Человек поставил её под угрозу смерти. (30)Человек призван спасти жизнь. (31)Или он впущен в свет лишь «в виде наглой пробы»?

(32)Нам и всем будущим поколениям грозит небытие. (33)Это и есть то главное, что должно объединить людей всего мира. (34)Постараемся постигнуть простую и глубокую мысль Л. Толстого. «(35)Единение есть ключ, освобождающий людей от зла. (36)Но для того чтобы ключ этот исполнил свое назначение, нужно, чтобы он был продвинут до конца, до того места, где он отворяет, а не ломается сам или не ломает замок. (37)Так и единение

— для того чтобы оно могло произвести свойственные ему благодетельные последствия, оно должно иметь целью единение всех людей во имя общего всем людям, одинаково признаваемого всеми начала».

(По Ю. Карякину*)

(1)Первое появление Сан Саныча запомнилось не случайно. (2)По программе на этом уроке полагалось начинать «проходить Толстого». (3)Мы и начали. (4)Но как!

(5)Не было ничего сказано ни о мировом значении нашего самого великого классика, ни о его биографии — родился-умер, что написал, что говорил о других, что говорили о нём, — ничего, что полагалось бы и потому было ожидаемо, не случилось.

(6)Уже через несколько минут новый учитель оседлал первую парту — лицом к классу, ногу на скамью, и, раскрыв томик Горького, стал неторопливо и вразумительно читать по нему очерк о Льве Толстом.

(7)Мы, что называется, оторопели. (8)Оторопели прежде всего от непривычности проявленного к нам доверия: можно слушать, можно и отключиться. (9)В классе повисла абсолютная тишина. (10)Захватила сама увлекательность такого труда — только слушать, а не записывать, и не напрягаться для ответов, не тосковать от обязательности запоминания. (11)А ещё захватила магия звучащего мастерского литературного слова, которое в исполнении чтеца как будто разогревало воздух, погружало нас, слушающих, в гипнотическую словесную ауру.

(12)Добавлю, что весьма непростая эта литературная вязь была адресована нам без скидок на нашу возможную неготовность оценить её по достоинству. (13)Тем не менее, слушайте, тянитесь, верьте в себя — это теперь принадлежит и вам тоже! (14)Так можно было понять, да так и хотелось понимать происходящее.

(15)В очерке Горького много таких деталей, таких живых и точных описаний, что Толстой делается буквально видимым. (16)Учитель верно рассчитал, что если захотеть заразить образом живого Толстого без лишних, как говорится, слов, то надо озвучить слова, расставленные на бумаге Максимом Горьким, исполненные тогда ещё, когда великий Лев был жив или сразу после того, как он ушёл...

(16)В центре нищей и хулиганистой Марьиной Рощи, в оторопевшем от предложенных ему гуманитарных горизонтов классе, сплошь состоящем из всегда голодных, обношенных и при этом, конечно, искрящихся тайным подростковым зовом непременно состояться ребяташек, в таком вот классе звучал удивительный текст об удивительном их соотечественнике. (18)«Видел я его однажды так, как, может быть, никто не видел: шёл к нему в Гаспру берегом моря и под именем Юсупова, на самом берегу, среди камней, заметил его маленькую, угловатую фигурку, в сером, помятом тряпье и скомканной шляпе. (19)Сидит, подперев скулы руками, — между пальцев веют серебряные волосы бороды, — и смотрит вдаль, в море, а к ногам его послушно подкатывают, ластиятся зеленоватые волнишки, как бы рассказывая нечто о себе... (20)В задумчивой неподвижности старика почудилось нечто вешнее, чародейское, углублённое во тьму под ним, пытливо ушедшее вершиной в голубую пустоту над землёй, как будто это он — его сосредоточенная воля — призывает и отталкивает волны, управляет движением облаков и тенями, которые словно шевелят камни, будят их... (21)Не изобразить словом, что почувствовал я тогда; было на душе и восторженно и жутко, а потом всё слилось в счастливую мысль: “Не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней!”»

(22)Не сиротами были и мы, потому что был этот человек.

(23)Сан Саныч пронзил нас Толстым — с помощью горьковского текста...

(24) Позже нашу школу сделали «с математическим уклоном». (25) К тому времени класс Александра Александровича Титова давно с ней распрощался.

(26) Он и не вписался бы в неё, поскольку сложился в конце концов образцово гуманитарным. (27) И не могло быть иначе. (28) Мы становимся теми, кто нас учит.

(По Д. Орлову*)

(1)С течением времени начинаю понимать, что до человека порой может достучаться только совесть — внутренний его голос, он куда действенней, чем бесконечные призывы, требования учителей, воспитателей, даже родителей.

(2)Поступок, совершённый целиком по совести, — это свободный поступок.

(3)Я спрашиваю себя: а зачем человеку навязали эту самую совесть, ведь никто не мешает отмахнуться от неё, какой от неё прок, если она не приносит никаких выгод, если не даёт человеку преимуществ ни карьерных, ни материальных?

(4)Благодаря чему она существует, совесть, которая грызёт и мучает, от которой порой не отвяжешься, не отступишься? (5)Откуда она взялась? (6)На самом деле в течение жизни мы убеждаемся, что она исходит из глубины души и не бывает ложной. (7)Она не ошибается.

(8)Поступок по совести не обесценивается, не приводит к разочарованию.

(9)Когда я говорю «поступок по совести», мне приходит на память удивительный пример, впечатливший меня надолго.

(10)28 июля 1958 года умер Михаил Михайлович Зощенко. (11)На «Литераторских мостках» партийное начальство хоронить его не разрешило, видимо, высокие начальники посчитали, что недостойн. (12)Им всегда виднее.

(13)И рядом не разрешили. (14)Наконец указали (!) похоронить его в Сестрорецке, где он иногда жил на даче.

(15)Гражданскую панихиду проводили в Доме писателя. (16)Вести её поручили Александру Прокофьеву, первому секретарю Союза писателей. (17)Обязали вести кратко, не допуская никакой политики, строго придерживаясь регламента, не позволять никаких выпадов, нагнали много милиции и работников Большого дома. (18)Все желающие в Дом попасть не могли, люди заполнили лестницу, ведущую к залу. (19) Большая толпа осталась на улице. (20)Радиофицировать не разрешили. (21)Слово дали Виссариону Саянову, Михаилу Слонимскому, его другу времён «Серапионовых братьев».

(22)Церемония заканчивалась, когда вдруг, растолкав всех, прорвался к гробу Леонид Борисов. (23)Это был уже пожилой писатель, автор известной книги об Александре Грине «Волшебник из Гель-Гью», человек, который никогда не выступал ни на каких собраниях, можно считать, вполне благонамеренный.

(24)Наверное, поэтому Александр Прокофьев не стал останавливать его, тем более что панихида проходила благополучно, никто ни слова не говорил о травле Зощенко, о постановлении ЦК, словно никакой трагедии не было в его жизни, была благополучная жизнь автора популярных рассказов.

(25)«Миша, дорогой, — закричал Борисов, — прости нас, дураков, мы тебя не защитили, отдали тебя убийцам, виноваты мы, виноваты!»

(26)Надрывный тонкий голос его поднялся, пронзил всех, покатился вниз, люди передавали друг другу его слова, на улице толпа всколыхнулась.

(27)Александр Прокофьев не посмел нарушить ритуал. (28)Рыдая, Леонид Борисов отошёл.

(29)Я возвращался домой с Алексеем Ивановичем Пантелеевым, он говорил: «Слава Богу, хоть кого-то допекло, нашёлся человек, спас нашу честь, а мы-то, мы-то...»

(30)Что это было? (31) Борисов не собирался выступать, но что-то прорвалось, и он уже не мог справиться с собой, это было чувство, нерассуждающее, подсознательное, неспособное выбирать. (32)Это была совесть, совесть взбунтовалась!

(33)Бессовестность сегодня многие стремятся оправдать: «Ничего не поделаешь, таково наше общество». (34)Можно, конечно, считать, что наше общество унаследовало советскую мораль, когда никто не каялся, участвуя в репрессиях, когда поощряли доносчиков, стукачей.

(35)Но при чём тут совесть? (36)Она относится к личности, она принадлежит душе, единственной, неповторимой, той, что нас судит.

(По Д. Гранину*)

(1)Человек любит место своего рождения и воспитания. (2)Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело природы и должна быть названа физической. (3)Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человека. (4)В свете нет ничего милее жизни; она есть первое счастье, а начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть. (5)Так друзья освящают в памяти первый день дружбы своей. (6)Лапландец, рождённый почти в гробе природы, на краю мира, несмотря ни на что, любит хладный мрак земли своей. (7)Переселите его в счастливую Италию: он взором и сердцем будет обращаться к северу, подобно магниту; яркое сияние солнца не произведёт таких сладких чувств в его душе, как день сумрачный, как свист бури, как падение снега: они напоминают ему Отечество!

(8)Недаром житель Швейцарии, удалённый от снежных гор своих, сохнет и впадает в меланхолию, а возвращаясь в дикий Унтервальден, в суровый Гларис, оживает. (9)Всякое растение имеет более силы в своём климате: закон природы и для человека не изменяется.

(10)Не говорю, чтобы естественные красоты и выгоды Отчизны не имели никакого влияния на общую любовь к ней: некоторые земли, обогащённые природою, могут быть тем милее своим жителям; говорю только, что сии красоты и выгоды не бывают главным основанием физической привязанности людей к Отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

(11)С кем мы росли и живём, к тем и привыкаем. (12)Их душа сообразуется с нашею, делается некоторым её зеркалом, служит предметом или средством наших нравственных удовольствий и обращается в предмет склонности для сердца. (13)Эта любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живём, есть вторая, или моральная, любовь к Отечеству, столь же общая, как и первая, местная или физическая, но действующая в некоторых летах сильнее, ибо время утверждает привычку.

(14)Надобно видеть двух единоплеменцев, которые в чужой земле находят друг друга: с каким удовольствием они обнимаются и спешат изливать душу в искренних разговорах! (15)Они видятся в первый раз, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями Отечества! (16)Им кажется, что они, говоря даже иностранным языком, лучше разумеют друг друга, нежели прочих, ибо в характере единоплеменцев есть всегда некоторое сходство. (17) Жители одного государства образуют всегда, так сказать, электрическую цепь, передающую им одно впечатление посредством самых отдалённых колец или звеньев.

(По Н.М. Карамзину*)

(1) Всякое искусство открывает тайны, и всякое в своём совершенстве непременно пленительно. (2) Дело художника - выразить своё видение мира, и другой цели оно не имеет. (3) Но таков таинственный закон искусства, что видение во вне выражается тем гармоничнее, чем оно само в себе своеобразнее и глубже. (4) Здесь, в отличие от мира вещественного, внешняя прелесть есть безошибочный признак внутренней правды и силы. (5) Пленительность искусства — та гладкая, блестящая, переливающая радугой ледяная кора, которою как бы остывает огненная лава души художника, соприкасаясь с наружным воздухом, с явью.

(6) Эта внешняя пленительность искусства необыкновенно важна: она играет в духовном мире ту же роль, какую в растительном царстве играет яркая окраска цветка, манящая насекомых, которым предназначено разносить цветочную пыль. (7) Певучесть формы привлекает внимание людей, ещё не зная, какая ценность скрыта в художественном создании, люди безотчетно влекутся к нему и воспринимают его ради его внешних чар. (8) Но вместе с тем блестящая ледяная кора скрывает от них глубину, делает её недоступной; в этом — мудрая хитрость природы. (9) Красота — приманка, но красота и преграда. (10) Прекрасная форма искусства всех манит явным соблазном. (11) Поистине красота никого не обманет; но слабое внимание она поглощает целиком, для слабого взора она непрозрачна: он осуждён тешиться ею одной. (12) Лишь взор напряжённый и острый проникает в неё и видит глубины, тем глубже, чем сам он острее. (13) Искусство дает каждому вкушать по силам его: одному всю свою истину, потому что он созрел, другому — часть, а третьему показывает лишь блеск её, прелесть формы, для того чтобы огнепалящая истина, войдя в неокрепшую душу, не обожгла её смертельно и не разрушила её молодых тканей.

(14) Так и поэзия Пушкина таит в себе глубокие откровения, но толпа легко скользит по ней, радуясь её гладкости и блеску, упиваясь без мысли музыкой стихов, чёткостью и красочностью образов. (15) Только теперь мы начинаем видеть эти глубины подо льдом и учимся познавать мудрость Пушкина сквозь ослепительное сверкание его красоты.

(16) В науке разум познаёт лишь отдельные ряды явлений, но есть у человека и другое знание, целостное, потому что целостна самая личность его. (17) И это высшее знание присуще всем без изъятия, во всех полное и в каждом иное. (18) Это целостное видение мира несознаваемо реально в каждой душе и властно определяет её бытие в желаниях и оценках. (19) Оно также плод опыта. (20) Между людьми нет ни одного, кто не носил бы в себе своего, неповторимого видения Вселенной, как бы тайнописи вещей. (21) И не знаем, что оно есть в нас, не умеем видеть, как оно чудным узором выступает в наших разрозненных суждениях и поступках. (22) Лишь изредка и на мгновение озарит человека его личная истина, горящая в нём потаённо, и снова пропадёт в глубине. (23) Только избранныкам дано длительно созерцать своё видение, хотя бы частично, в обрывках целого; и это зрелище опьяняет их такой радостью, что они как бы в бреду спешат поведать о нём всему свету. (24) Оно не изображается в понятиях; о нём можно рассказать только бессвязно, образами. (25) И Пушкин в образах передал нам своё знание; в образах оно тепло укрыто и приятно на вид. (26) Я же вынимаю его из образов и знаю, что, вынесенное на дневной свет, оно покажется странным, а может быть и невероятным.

(По М. Гершензону*)

(1)В детстве самым притягательным местом для меня была наша речка — Усманка.

(2)Мне было шесть лет, когда на кучу старого тряпья я выменял у старьёвщика рыболовные крючки. (3)Получив три желанных крючка, я сразу же начал ладить удочку. (4)Ореховое удилище, леска с катушкой ниток, поплавков из пробки и крючок «с комариную ногу». (5)Ну вот, удочка готова!

(5)Я уже знал, какую рыбу надо ловить. (7)Лёжа на берегу, около самой воды, можно было увидеть стайки небольших рыбок, которые бегали по светлому песчаному дну неглубокой воды. (8)Я знал: рыбок зовут столбуны (позже услышал: в других местах их называют пескарями). (9)Они любили чистую воду, не заплывали в водяные заросли. (10)Один раз я видел, как на стайку рыбёшек бросился небольшой налим, но ни одной не схватил.

(11)С этого раза я решил попробовать ловить резвую рыбку. (12)И с первого раза поймал одиннадцать столбунов! (13)Весь улов я принёс домой в стеклянной банке живым. (14)Мама решила зажарить эту добычу и очень хвалила вкус рыбок.

(15)После войны наша речка стала сильно мелеть. (16)Приезжая из Москвы на родину, я перестал её узнавать. (17)Стал спрашивать отца, в чём дело. (18)Отец рассказывал, какой речка была в его детстве: он помнил и речные плёсы, и глубокие ямы. (19)Порывшись в книжках, я узнал: Усманка была речкой пограничной — за ней было «дикое поле». (20)В 1970 году я решил пройти речку от истока до устья (160 километров) пешком. (21)И прошёл. (22)Весь поход занял две недели. (23)Я ночевал в деревнях и в стогах возле речки. (24)Посидел с удочкой в местах, знакомых с детства, говорил со стариками, узнал: после войны в воронежских и липецких местах исчезло больше трёхсот маленьких речек. (25)Речки погубило осушение болот, вырубка остатков леса и распашка поймы под урез берегов. (26)Очерк о путешествии был опубликован на большой полосе «Комсомольской правды» под заголовком «Речка моего детства». (27)Отклик читателей был большим я получил две тысячи писем. (28)«Вы написали не только о своей речке, но и о нашей тоже». (29)Везде были одинаковые причины исчезновения речек...

(30)Через два года мы с Борисом Стрельниковым отправились в путешествие по Америке, где как раз шли большие споры о том, что делать с природой. (31)Мы с интересом слушали и читали американцев. (32)Помню сенсацию: на востоке страны загорелась река Кайахога, загорелась оттого, что на поверхности было много бензина и нефти. (33)Подъехали к Миссисипи. (34)Я решил на память в реке искупаться. (35)Сохранился снимок: стою по колено в воде, а какой-то американец объясняет, что купаться нельзя: вода очень грязная. (36)Три раза мы подъезжали к реке и убедились: у берега всюду была нефть. (37)По реке шли баржи, и не было ни одного пассажирского судна. (38)А ведь не так уж давно Марк Твен писал в книге «Жизнь на Миссисипи»: «Воду для питья черпали за бортом». (39)Теперь везде людей на Земле настигает загрязнение мусором, нефтью, химикатами...

(40)Отец рассказывал, что наша речка была удивительно чистой, и в ней жили пескари величиной в половину мужской ладони. (41)Ловили рыбок не деревенские мальчишки, а взрослые мужики. (42)И я вспомнил Сабанеева, который писал: «Москворецкими рыболовами найден способ ловить даже на одну удочку до шестисот пескарей в день». (43)Было это сто пятьдесят лет назад. (44)А что будет на Земле завтра?

(По В. М. Пескову*)

Кончался сентябрь, небо мутнело, наливалось свинцом, и в воздухе все чаще кружились белые мухи, всегда служившие напоминанием о том, что надо выбрать день, поехать и законсервировать на зиму дачу.

Дачу или, вернее, ту жизненную мнимость, которая имела обличье дачного теремка, сарайчика, голубятни с шиферными крышами, усыпанными высохшими желудями и дубовыми листьями. На окнах террасы белели марлевые занавески, к крыльцу был прислонен велосипед, звякал ручной умывальник, наполнявший пригоршни колодезной водой, и раскачивался повешенный между березами гамак. Грядки клубники заросли одуванчиками и осокой, а вдоль забора были посажены кусты черной смородины (под кустами всегда кем-то оставлена скамеечка и граненый стакан, наполовину наполненный ягодами).

О, эти дачи — обманчивая и чарующая отрада тех давних лет! Туда свозили старую мебель и отправляли на лето детей, там донашивали траченные молью пальто, старомодные боты, выцветшие, вылинявшие, выгоревшие на солнце кители и гимнастерки. Там играли в лото, доставая из ситцевого, стянутого резинкой мешка деревянные бочонки с цифрами, ставили самовар, подбрасывая в топку еловые шишки, собирали на опушках грибы, по праздникам танцевали под патефон. И каждому мнилось, мечталось, грезилось, что тут возникает, волшебным образом обозначается некое подобие настоящей жизни, что он хозяин и можно развернуться, что у него все свое — и смородина, и клубника, и малина, — и что, потрудившись всласть на огороде, он проводит время с приятностью, которая только из суеверия не называется счастьем.

И хотя вся приятность сводилась к тому, что снова пололи, корчевали, удобряли, перекапывали и пересаживали (а оно все равно не росло), в сознании каждого царил непоколебимое убеждение: дача — это интимное, сокровенное, святое.

Вот эту-то мнимость и нужно было законсервировать, и отец давно просил меня помочь, пожертвовав ради этого хотя бы одно воскресенье. Я как мог отбивался и грозил, что завалю диплом, раз мне мешают заниматься и создают невыносимые, невыносимые условия. На отца такие обвинения оказывали самое тяжкое, мучительное, болезненное воздействие: он обижался и молча страдал. Создавать условия для семьи он считал такой же святой обязанностью, как совершать паломничества на дачу, — ради этого трудился, тянул лямку, учительствовал в двух школах (учеников своих любил, все им позволял, и они этим пользовались, но его не любили).

Поэтому, наткнувшись на мою злокозненную оборону, отец отступал и сдавался. Но всю следующую неделю его преследовали мучительные видения не убранного на террасу садового стола, мокнувших под дождем качелей, забытой в грядках лейки, яблок последнего урожая, созревающих на полу, подоконниках, стульях и диванах. Ему казалось, что, если на окна не навесить щиты, в дом проникнут воры и похитят такие ценности, как старый тулуп и валенки с калошами. В конце концов отец решил, что справится сам, и, махнув рукой на запреты врачей (два месяца пролежал и лишь недавно выписался), собрался на дачу. Мы с матерью его всячески отговаривали, он упрямылся, гнул свое, и тогда я выпалил, что бросаю все к черту и еду ему помогать.

На даче мы сделали все что нужно: занесли на террасу садовый стол, сняли с берез качели, навесили щиты, набили яблоками сумки и багажник автомобиля. Наш старенький автомобиль относился к числу тех же мнимостей, поскольку на нем не просто ездили, а

ездили на дачу, остальное же время ремонтировали, мыли, чистили, украшали и поклонялись ему как божку.

— Ты вполне успеваешь в библиотеку. Видишь, как мы быстро справились, — сказал отец, довольный тем, что мои интересы соблюдены так же, как и его, и это лишает меня права чувствовать себя жертвой отцовского произвола.

Он подавал мне пример расторопности, деятельно способствуя тому, чтобы я поскорее вкусил желанную отраду, с вожделением приникнув к библиотечному столу. Но на обратном пути все-таки не устоял перед соблазном заглянуть в свой любимый подмосковный магазинчик, восхваляемый перед знакомыми как какое-то чудо, кладезь изобилия, где всегда все бывает. “Верите ли, абсолютно все, — как ни заеду! Вот чудесато!” Каждый раз отец в подтверждение своих слов со скромным торжеством выкладывал очередную покупку, одну бесполезнее другой. Но мы его не разочаровывали, чтобы не разрушать веру в чудеса и поддерживать похвальный интерес к хозяйству.

(Л.Е. Бежин)

(1) Был поздний вечер. (2) Домашний учитель Егор Алексеич Свойкин, чтобы не терять попусту времени, от доктора отправился прямо в аптеку.

(3) За жёлтой, лоснящейся конторкой стоял высокий господин с солидно закинутой назад головой, строгим лицом и с выхоленными бакенами, по всей видимости провизор.

(4) Начиная с маленькой плешки на голове и кончая длинными розовыми ногтями, всё на этом человеке было старательно выутюжено, вычищено и словно вылизано.

(5) Нахмуренные глаза его глядели свысока на газету, лежавшую на конторке. (б) Он читал.

(7) Свойкин подошёл к конторке и подал выутюженному господину рецепт. (8) Тот, не глядя на него, взял рецепт, дочитал в газете до точки и, сделав лёгкий полуоборот головы направо, пробормотал:

— Через час будет готово.

— (9) Нельзя ли поскорее? — спросил Свойкин. — (10) Мне решительно невозможно ждать.

(11) Провизор не ответил. (12) Свойкин опустился на диван и принялся ждать.

(13) Свойкин был болен. (14) Во рту у него горело, в ногах и руках стояли тянущие боли, в отяжелевшей голове бродили туманные образы, похожие на облака и закутанные человеческие фигуры. (15) Разбитость и головной туман овладевали его телом всё больше и больше, и он, чтоб подбодрить себя, решил заговорить с провизором.

— (16) Должно быть, у меня горячка начинается. (17) Ещё счастье моё в том, что я в столице заболел! (18) Не дай бог этакую напасть в деревне, где нет докторов и аптек!

(19) Провизор на обращение к нему Свойкина не ответил ни словом, ни движением, словно не слышал.

(20) Не получив ответа на свой вопрос, Свойкин принялся рассматривать строгую, надменно-учёную физиономию провизора.

«(21) Странные люди, ей-богу! — подумал он. — (22) В здоровом состоянии не замечаешь этих сухих, чёрствых физиономий, а вот как заболеешь, как я теперь, то и ужаснёшься, что святое дело попало в руки этой бесчувственной утюжной фигуры».

— (23) Получите! — вымолвил провизор наконец, не глядя на Свойкина. — (24) Внесите в кассу рубль шесть копеек!

— (25) Рубль шесть копеек? — забормотал Свойкин, конфузясь. — (26) А у меня только всего один рубль — (27) Как же быть-то?

— (28) Не знаю! — отчеканил провизор, принимаясь за газету.

— (29) В таком случае вы извините... (30) Шесть копеек я вам завтра занесу или в конце концов пришлю.

— (31) Этого нельзя! (32) Сходите домой, принесите шесть копеек, тогда и получите!

(33) Свойкин вышел из аптеки и отправился к себе домой. (34) Пока добирался до своего номера, он садился отдыхать раз пять. (35) Придя и найдя в столе несколько медных монет,

он присел на кровать отдохнуть. (36)Какая-то сила потянула его голову к подушке. (37) Он прилег, как бы на минутку. (38) Туманные образы в виде облаков и закутанных фигур стали завлакивать сознание. (39) Долго он помнил, что ему нужно идти в аптеку, долго заставлял себя встать, но болезнь взяла своё. (40)Медяки высыпались из кулака, и большому стало сниться, что он уже пошёл в аптеку и вновь беседует там с провизором.

(По А.П. Чехову*)

(1) В речи героя Достоевского Алёши Карамазова были слова, на которые я раньше внимания не обращал, а теперь задумался над ними:

(2) «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, особенно вынесенное ещё из детства, из родительского дома. (3) Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь прекрасное святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспоминание и есть».

(4) Он призывает мальчиков помнить эту минуту, когда они чувствовали себя хорошими.

(5) Потому что это воспоминание всегда будет помогать, как бы мир ни ожесточил, ни озлобил их. (6) Алёша Карамазов считает, что такое воспоминание может удержать человека от дурного.

(7) При этом Алёша ничего не требует, ничего не проповедует, значит, и спорить в этом смысле с ним не о чем; высмеивать его уверенность – занятие соблазнительное для некоторых умов и лёгкое, поскольку Алёша пользуется тут выражениями беззащитно-высокими, торжественными, умиленными, все так, но совершает он при всем при этом великое с точки зрения педагогики дело: он душевную, возвышенную минуту называет, очерчивает, выделяет, закрепляет в памяти, превращает для мальчиков в воспоминание. (8) И не просто в воспоминание о чём-то приятном, а в нравственно сформулированное, определённое напоминание: вот каким ты был прекрасным...

(9) Нет, не может такое доброе воспоминание идти во вред, лучше бы иметь его, чем перебирать в своём прошлом лишь запреты и раскаяние. (10) То счастье и удовлетворение собой, о котором говорил Достоевский, обязывает душу. (11) Оно возбуждает ощущение счастья от хорошего поступка во имя людей или отдельного человека, и это ощущение хочется повторить, оно придаёт силы, наполняет смыслом жизнь и именно обязывает душу.

(12) Для меня, человека, не сведущего в педагогике, это было открытием. (13) И я стал проверять его, прикладывая к своей жизни и к жизни близких людей.

(14) Мне приходили на ум и другие люди, которые умудрялись, насмотри на удары жизни, оставаться человечными, стойкими в своей доброте. (15) Больше, чем других, настигали их разочарования, обиды, несправедливости. (16) И всё же они не поддавались злобе, цинизму, унынию. (17) Что помогало им, что поддерживало их дух? (18) Что обязывало их душу сохранять доброту, когда казалось это так невыгодно, когда всё было против? (19) Я никогда до конца не мог разобраться в том, как это происходит. (20) И вот теперь я стал думать, что, может, им помогало какое-то воспоминание, принесённое из детства? (21) Может, они посещали своё детство и оно прибавляло им силы? (22) Может, там хранятся наши запасы безошибочной любви, доброты, радости, веры в будущее

(По Д.А. Гранину*)

(1)Высшее, чего может достичь человек, — это мудрость.

(2)Мудрости полагалось бы стать школьным предметом, ей надо учить. (3)Точнее, к мудрости надобно приучать — как к осторожности суждений, воздержанию от недостаточно обоснованных утверждений, умению принимать во внимание множество факторов, опираясь на то, что рождено разнообразием исторического опыта. (4)Это больше, чем знания. (5)Это ещё и интуиция, и отвращение к самообману. (6)Мудрый человек никогда не самонадеян: он не считает конечными полученные им результаты размышлений, он допускает их ошибочность, сопоставляя их с прямо противоположными утверждениями и находя пробелы в том, что казалось очевидным.

(7)Мудрость нуждается в знаниях, но не сводится к ним. (8)Кто-то может знать, допустим, все разновидности бабочек и ничего не смыслить в проблемах экологии. (9)Даже не интересоваться ими. (10)В таком случае человек упускает из вида связь отдельно взятой бабочки с устройством мира.

(11)Знания отвечают на вопрос «Почему?», а информация — только на вопросы «Что? Где? Когда? Как?». (12)Знание состоит из «пониманий» и является достоянием науки.

(13)Знание нуждается в информации, но не сводится к ней — оно выше, поскольку знает, как проверять достоверность информации.

(14)Знание в европейской, а теперь и в общемировой научной традиции всегда противостояло мнению. (15)Мнение — это всего лишь некоторое отношение к чему либо, а знание — это, повторю, понимание закономерности. (16)Важно не столько отстаивать свое мнение, сколько думать о том, чтобы оно было доказано, хотя бы стремилось стать знанием. (17)Стремление всячески поощрять безосновательно мнения как самоцель очень опасно для растущего человека. (18)Недостаточно мыслить самостоятельно — надо еще мыслить правильно.

(19)У меня есть знакомый, глубоко уважаемый мной директор школы. (20)Он с явной гордостью рассказал мне, что у него дети в школе без всякой подготовки пишут сочинения на самые сложные темы. (21)И привел примеры, действительно, очень сложных философских тем, требующих глубокого изучения, погружения в массу авторитетных источников, чтобы на их фоне иметь право сказать что-то свое. (22)Вместо этого, наоборот, дети поощрялись к высказыванию любых своих незрелых мыслей о глубинных, вечных вопросах бытия и отстаиванию этих «мыслей». (23)Я пытался ему возразить: а как же интеллектуальная честность? (24)Сомнение? (25)Установка на воздержание от суждения, если нет знаний о том, что и почему об этом думают другие? (26)Как может быть мнение без сомнения, ведь человек становится самоуверенным и самонадеянным! (27)Где страх перед ошибкой? (28)Но я обнаружил, что директору мои опасения не понятны...

(По Б. Бим-Баду*)

*Борис Михайлович Бим-Бад (род. В 1941 г.) - кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник НИИ общей педагогики.

(1) Говорят, что талантливый человек талантлив во всем. (2) Но главное качество такого человека — его любовь к людям и своему делу.

(3) В своей книге о С.Я. Маршаке, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», Марк Гейзер подробно рассказывает о приходе поэта в литературу, и мы узнаём, что начинал Маршак со стихов, которые взвали восторженные отзывы Стасова, сразу же взявшего юного поэта под опеку, а также Горького, Шалапина и других выдающихся мастеров.

(4) Ахматова, например, позднее признавалась Самуилу Яковлевичу, что без его «Книги Руфи», вышедшей ещё в 1909 году, не было бы её «Лотовой жены» и некоторых других стихов.

(5) В жизни Маршака случалось такое, что ему угрожала реальная опасность. (6) Вот хотя бы история с разгромом маршаковской редакции Детиздата, когда были арестованы многие её сотрудники и авторы. (7) Годы спустя в деле одного из репрессированных тогда детиздатовцев нашли ордер на арест самого Самуила Яковлевича. (8) Спасло его то, что он вовремя уехал на Ленинград...

(9) Откуда же взялся детский классик Маршак, восхищавший таких больших и очень разных писателей, как М. Горький, В. Маяковский, М. Цветаева, К. Чуковский?

(10) Всемирно известный переводчик, выигрывавший творческие «дуэли» у самых выдающихся мастеров? (11) Замечательный педагог, воспитатель юных, да и не юных поэтов?

(12) Главное, наверное, было в его любви — к людям, к литературе и прежде всего к детям.

(13) А знаменитые маршаковские беседы с чем-то заинтересовавшими его людьми (чаще всего с литераторами) — восторженными откликами о них полны воспоминания о Самуиле Яковлевиче?..

(14) Одну из самых сильных, впечатляющих страниц в творческой биографии Маршака приоткрыл Борис Полевой, в ту пору — главный редактор журнала «Юность». (15) Он уже слышал, что Маршак еле жив, что врачи борются даже не за дни, а за часы его жизни...

(16) И вдруг звонок у него в редакции: «С вами хочет говорить Самуил Яковлевич».

(17) Полевой сначала не поверил.

(18) «И тут я слышу то, — вспоминает он, — что сразу убеждает меня, что я говорю с настоящим Маршаком, с поэтом, находящимся при смерти:

-(19) Голубчик мой, вы, наверное, слышали, я ослеп. (20) Ничего не вижу. (21) Но гранки мне прочли. (22) Поверьте, там есть серьезные огрехи. (23) Нет-нет, не ваши, а мои огрехи...

(24) Гранки перед вами? (25) Найдите страничку такую-то. (26) Нашли? (27) Возьмите карандашик, я вам продиктую поправку.

(28) Мне становится страшно.

-(29) Самуил Яковлевич, я к вам заеду. (30) Журнал потерпит.

-(31) Нет, нет, нет, это мы с вами можем потерпеть, а журнал терпеть не может. (32) У нас миллион читателей, им надо вовремя доставлять журнал. (33) Записывайте. — (34) Это звучит уже как приказ».

(35)Полевой решил, что худшее для Маршака уже позади. (36)Не может же человек на смертном одре держать корректуру!

(37)Но Маршак — мог! (38)И уже через день после этого разговора Полевой услышал, что Самуила Яковлевича нет в живых...

(По С. Сивоконю*)

* Сергей Иванович Сивоконь (род. в 1933 г.) — русский литературный критик и литературовед, специалист по детской литературе.

(1)Только слабые люди, постоянно нуждаясь в компенсации своей недостаточности, обычно плетут интриги, строят козни, исподтишка наносят удары. (2)Большая сила всегда великодушна.

(3)Я знал сверхсилача, который за всю свою долгую богатырскую жизнь никого не тронул пальцем, никому не желая зла. (4)Душевная сила и благородство идут рука об руку, и это объясняет, почему в наше время благородство стало снова востребованным, ценным и настолько широко практикуемым, что подчас превращается чуть ли не в массовую профессию.

(5)В армиях спасения умный риск и истинное благородство неотделимы.

(6)Ремесло спасения естественным образом фильтрует людей по их душевным качествам.

(7)В результате долго в спасателях задерживаются только сильные люди, способные защитить слабого, попавшего в беду. (8)Так, желающим попасть на работу в отряд «Центроспас» недостаточно иметь за плечами безукоризненное военное или спортивное прошлое и владеть необходимым набором специальностей.

(9)«Добро» медкомиссии ещё не является залогом успеха. (10)Почти тысяча правильно выбранных ответов психологического тестирования тоже не гарантирует кандидату места в штате элитного подразделения. (И)Новичку необходимо доказать будущим коллегам в процессе стажировки, что на него в любой ситуации можно положиться, что он проявляет доброту и терпимость, необходимые в их ежедневных миссиях.

(12)Чтобы справляться со своими обязанностями, человек должен обладать благородной душой, полной лучших качеств. (13)Но почему, даже обладая добродетельными качествами, человек совершает безнравственные поступки? (14)На подобный вопрос Конфуций ответил: «Все люди близки друг другу по своей природе, а расходятся между собой в ходе воспитания. (15)Человек может утрачивать благородные качества под влиянием дурного общения. (16)Поэтому, чтобы все члены общества выполняли свои гражданские обязанности и человеческие нормы, необходимо воспитывать человека в духе добродетели».

(17)Воспитание культуры, избавление от дурных манер и наклонностей нацелено против надменности, высокомерия, своеволия, злобы, зависти, чувства собственной неполноценности, недисциплинированности, излишней подозрительности, вероломства, лицемерия, двуличия, коварства, подлости и корысти. (18)Только избавившись от дурных манер и наклонностей, очистив собственную душу, изгнав

из неё всё плохое, можно рассчитывать на быстрый прогресс и достижение совершенства в мастерстве. (19)Никому из людей недалёких, корыстолюбивых, жестоких, хитрых и скрытных в силу душевной ущербности никогда ещё не удавалось добиться сколь-нибудь значительных успехов, а если и удавалось, то торжество их длилось недолго. (20)В конце концов всё кончалось плачевно как для них самих, так и для окружающих.

(21)Благородный человек погибнет в окружении конкуренции и злобы? (22)Нет! (23)Именно он и победит. (24)Поскольку благородство зиждется на силе духа. (25)Чтобы побеждать в жизни, побеждать красиво и долговечно, прочно, основательно, надобно иметь высокую душу. (26)Хороший характер. (27)Самое надёжное в нашем мире — это благородство духа. (28)Не по рождению, не по крови, а по уму и чести.

(По Б. Бим-Баду*)

(1)На Западном фронте мне пришлось некоторое время жить в землянке техника-интенданта Тарасникова. (2)Он работал в оперативной части штаба гвардейской бригады. (3)Тут же, в землянке, помещалась его канцелярия.

(4)Целые дни он надписывал и заклеивал пакеты, припечатывал их сургучом, согретым над лампой, рассылал какие-то донесения, принимал бумаги, перечерчивал карты, стучал одним пальцем на заржавленной машинке, тщательно выбивая каждую букву.

(5)Однажды вечером, когда я вернулся в нашу халупку, основательно промокнув под дождём, и сел на корточки перед печкой, чтобы растопить её, Тарасников встал из-за стола и подошёл ко мне.

— (6)Я, видите ли, — сказал он несколько виновато, — решил временно не топить печки.

(7)А то, знаете, печка угар даёт, и это, видимо, отражается на её росте. (8)Она совсем расти перестала.

— (9)Да кто расти перестал?

— (10)А вы что же, до сих пор не обратили внимания? — уставившись на меня с негодованием, закричал Тарасников. — (11)А это что? (12)Не видите?

(12)И он с внезапной нежностью поглядел на низкий бревенчатый потолок нашей землянки.

(14)Я привстал, поднял лампу и увидел, что толстый кругляш вяза в потолке пустил зелёный росток. (15)Бледненький и нежный, с зыбкими листочками, он протянулся под потолок. (16)В двух местах его поддерживали белые тесёмочки, приколотые кнопками к потолочине.

— (17)Понимаете? — заговорил Тарасников. — (18)Всё время росла. (19)Такая славная веточка вымахнула. (20)А тут стали мы с вами топить часто, а ей, видно, не нравится. (21)Я вот тут зарубочки делал на бревне, и даты у меня проставлены.

(22)Видите, как сперва быстро росла. (23)Иной день по два сантиметра вытягивала. (24)Даю вам честное благородное слово! (25)А как стали мы с вами чадить тут, вот уже три дня не наблюдаю роста. (26)Так ей и захиреть недолго. (27)Давайте уж воздержимся. (28)А меня, знаете, интересует: доберётся он до выхода? (29)Ведь так и тянется поближе к воздуху, где солнце, чует из-под земли.

(30)И мы легли спать в нетопленной, сырой землянке. (31)На другой день я сам уже заговорил с ним о его веточке.

— (32)Представьте себе, почти на полтора сантиметра вытянулась. (33)Я же говорил, топить не надо. (34)Просто удивительное это явление природы!...

(35)Ночью немцы обрушили на наше расположение массивный артиллерийский огонь. (36)Я проснулся от грохота близких разрывов, выплёвывая землю, которая от сотрясения обильно посыпалась на нас сквозь бревенчатый потолок. (37)Тарасников тоже проснулся и зажёл лампочку. (38)Всё ухало, дрожало и тряслось вокруг нас. (39)Тарасников поставил лампочку на середину стола, откинулся на койке, заложив руки за голову:

— (40)Я так думаю, что большой опасности нет. (41)Не повредит её? (42)Конечно, сотрясение, но тут над нами три наката. (43)Разве уж только прямое попадание. (44)А я её, видите, подвязал. (45)Словно предчувствовал...

(46)Я с интересом поглядел на него.

(47)Он лежал, запрокинув голову на подложенные за затылок руки, и с нежной заботой смотрел на зелёный слабенький росточек, вившийся под потолком.

(48)Он просто забыл, видимо, о том, что снаряд может обрушиться на нас самих, разорваться в землянке, похоронить нас заживо под землёй. (49)Нет, он думал только о бледной зелёной веточке, протянувшейся под потолком нашей халупы. (50)Только за неё беспокоился он.

(51)И часто теперь, когда я встречаю на фронте и в тылу взыскательных, очень занятых, сухих и чёрствых на первый взгляд, малоприветливых как будто людей, я вспоминаю техника-интенданта Тарасникова и его зелёную веточку. (52)Пусть грохочет огонь над головой, пусть промозглая сырость земли проникает в самые кости, всё равно — лишь бы уцелел, лишь бы дотянулся до солнца, до желанного выхода робкий, застенчивый зелёный росток.

(53)И кажется мне, что есть у каждого из нас своя заветная зелёная веточка. (54)Ради неё готовы мы перенести все мытарства и невзгоды военной поры, потому что твёрдо знаем: там, за выходом, завешенным сегодня отсыревшей плащ-палаткой, солнце непременно встретит, согреет и даст новые силы дотянувшейся, нами выращенной и сбережённой ветке нашей.

(По Л. Кассилю*)

* Лев Абрамович Кассиль (1905-1970 гг.) — видный русский прозаик, один из основоположников отечественной детской и юношеской литературы.

(1)Есть на нашей реке такие глухие и укромные места, что, когда продерёшься через спутанные лесные заросли, заполненные к тому же крапивой, и присядешь около самой воды, почувствуешь себя как бы в обособленном, отгороженном от остального земного пространства мире. (2)На самый грубый, поверхностный взгляд, мир этот состоит только из двух частей: из зелени и воды.

(3)Будем теперь по капелькам увеличивать наше внимание. (4)При этом почти одновременно с водой и зеленью увидим, что, как ни узка речка, как ни густо сплелись над её руслом ветки, всё же и небо принимает не последнее участие в сотворении нашего маленького мира. (5)Оно то серое, когда ещё самый ранний рассвет, то серо-розовое, то ярко-красное — перед торжественным выходом солнца* то золотое, то золотисто-синее и, наконец, голубое, как и полагается ему быть в разгаре ясного летнего дня.

(6)В следующую долю внимания мы уже различим, что то, что казалось нам просто зеленью, вовсе не просто зелень, а нечто подробное и сложное. (7)И в самом деле, натянуть бы около воды ровную зелёную парусину, то-то была бы дивная красота, то-то восклицали бы мы: «Земная благодать!»

(8)Страстный рыболов Антон Павлович Чехов был не так уж прав, говоря, что во время уженья приходят в голову светлые, хорошие мысли.

(9)Глядя на белые пышные груды цветов, я часто думал о нелепости положения. (10)Я вырос на этой реке, чему-то меня учили в школе. (11)Цветы эти я вижу каждый раз, и не просто вижу — выделяю из всех остальных цветов. (12)А вот спроси меня, как они называются, — не знаю, почему-то ни разу не слышал их названия от других, тоже здесь выросших людей. (13)Одуванчик, ромашка, василек, подорожник, колокольчик, ландыш — на это нас еще хватает. (14)Эти растения мы ещё можем называть по имени. (15)Впрочем, может быть, один лишь я и не знаю? (16)Нет, кого бы я ни спрашивал в селе, показывая белые цветы, все разводили руками:

— Кто их знает! (17)Полно их растёт: и на реке, и в лесных оврагах. (18)А как называются?.. (19)Да тебе на что?

(20)Мы вообще-то, я бы сказал, немного равнодушны ко всему, что окружает нас на земле. (21)Нет, нет, конечно, мы часто говорим, что любим природу: и эти перелески, и холмы, и роднички, и огневые, на полнеба, летние теплые закаты. (22)Ну и, конечно, собрать букет цветов, ну и, конечно, прислушаться к пению птиц, к их щебетанию в золотых лесных верхах в то время, когда сам лес ещё полон темно-зелёной, чёрной почти прохлады. (23)Ну и сходить по грибы, ну и поудить рыбу, да и просто полежать на траве, глядя вверх на плывущие облака.

(24)«Послушай, а как называется трава, на которой ты теперь так бездумно и так блаженно лежишь?» — (25)«То есть как это как? (26)Ну там... какой-нибудь пырей или одуванчик». — (27)»Какой же тут пырей? (28)Всмотришься повнимательнее.

(29)На месте, которое ты занял своим телом, растёт десятка два разнообразных трав, и ведь каждая из них чем-нибудь интересна: то ли образом жизни, то ли целебными для человека свойствами. (30)Впрочем, это уж вроде как бы непостижимая для нашего ума тонкость. (31)Пусть об атом знают хотя бы специалисты. (32)Но названия, конечно, не мешало бы знать».

(33)Из двухсот пятидесяти видов грибов, что растут повсеместно в наших весах, начиная с апреля и кончая заморозками (кстати, почти все они съедобны, исключав лишь несколько видов), мы знаем «в лицо» и по названиям едва ли четвертую часть. (34)Про птиц не говорю. (35)Кто мне подтвердит, какая их этих двух птиц малиновка-пересмешница, какая крапивница, а какая мухоловка-пеструшка? (36)Кто-нибудь, конечно, подтвердит, но каждый ли? (37)Но каждый ли третий, но каждый ли пятый — вот вопрос!

(По В. Солоухину*)

(1)Весь день я провёл в поисках пристанища в мёртвом городе. (2)Только ближе к ночи я сумел найти его на Садовой улице, в школе для детей водников. (3)Мне разрешили ночевать в пустом холодном классе. (4)В семь часов утра я должен был уходить и не возвращаться до вечера, пока в школе не кончались занятия.

(5)Долгие часы я просиживал на Графской пристани, греясь под неопределённым солнцем января. (6)Изредка я заходил на базар с отчаянной надеждой купить немного хлеба, но на базаре торговали розовыми цейлонскими раковинами, пепельницами, зажигалками и бязевым солдатским бельём. (7)Все хотели хлеба, спрашивали хлеб, но ни одна живая душа его не имела и не продавала. (8)Толкотня на базаре была совершенно бесцельной.

(9)Дом, где находилась школа, принадлежал адмиральше Коланс. (10)Эта решительная, высокая и хромая старуха, ходившая с кочергой вместо палки, спаслась от выселения тем, что отдала под школу свой особняк. (11)Сама она жила с сыном — бывшим мичманом — в расположенном во дворе флигеле.

(12) Ко мне адмиральша благоволила, потому что считала меня моряком, скрывающим своё звание.

(13) Потом ко мне в комнату поселили начальника Скадовского порта Денисова, бывшего матроса с крейсера «Алмаз».

(14) Он приносил под шинелью куски ломкого известкового хлеба и угощал меня.

(15)Хлеб мы резали громадным сапожным ножом.

(16) Денисов был в бою под Чонгаром и брал у Врангеля Севастополь.

(17) Однажды вечером он привёл в школу высокого юношу в пенсне, накормил его хлебом и заставил играть на окоченевшем рояле.

(18) Пылала коптилка. (19)Юноша долго сидел, подложив руки под себя, чтобы согреть их, потом подошёл к роялю. (20)В дикую ледяную ночь ворвалась, как стая трепещущих птиц, мелодия Чайковского.

(21) Адмиралына пришла и слушала, стоя в дверях с кочергой, прямая и грозная, как богиня возмездия.

(22) Когда юноша ушёл, Денисов, укладываясь спать на составленных партах, рассказал историю знакомства с этим пианистом.

(23) Отряд Денисова первым вошёл в Севастополь. (24)На Морской улице из ОКЕ; трёхэтажного дома в бойцов денисовского отряда было сделано несколько выстреле; из винтовки.

(25)Бойцы ворвались в квартиру. (26)Они никого там не нашли, кроме хилог: юноши в пенсне. (27)Он сидел за роялем и собирал ноты. (28)Его сочли за переодетое: офицера и схватили.

— (29)Ты стрелял, собака?

(30)Юноша отрицательно покачал головой.

— (31)Покажи руки! — крикнул Денисов.

(32)На руках не было никаких следов от затвора.

— (33)Я музыкант, — сказал юноша. — (34)Я музыкант из кино.

— (35)Раз музыкант, так пусть сыграет, — потребовали бойцы. — (36)Играй, а не сумеешь — отправим в расход!

(37)Юноша заиграл.

— (38)У меня душа перевернулась, — рассказывал Денисов. — (39)Видать, человек за жизнь свою старался. (40)Одним словом, сели мы, кто куда, закурили и слушали. (41)Такая печаль взяла за сердце — прямо руками, — будто мать нас провожает, плачет и идём мы добывать своей кровью новое счастье.

(42)Закончил он, а Васька Тихонов говорит: «Нет никакой возможности, чтобы этот человек стрелял. (43)Айда искать, ребята!» (44)Перерыли весь дом и на чердаке нашли какого-то фрукта, который в нас и стрелял. (45)С тех пор, как попаду в Севастополь, всегда музыканта найду и то денег ему дам, то хлеба. (46)Очень я этого человека оберегаю.

(По К. Г. Паустовскому*)

(1) Лепестинья смахивает прозрачные слезы, мне хочется пожалеть её, но она не позволяет этого и сама себя не жалеет, улыбается извинительно, шагает дальше по тропинке памяти и время от времени говорит очень важное для меня и для себя.

-(2) Ну ладно, тогда голодуха, тяжёлое время, сироты понятно откуда брались, а теперь-то, теперь?

(3) И я как бы выплывала на Лепестиньиной жизни в свою, и ко мне будто бы подбегали шепелявая Зина Пермяком - поет «Очи черные, очи страстные» жалельщица моя Анечка Невзорова, тёзка полководца Саша Суворов, Коля Урванцев, уснувший после приступа боли у меня на коленях, брат и сестра Миша и Зоя Тузиковы, которых ни за что нельзя разлучать, и Женечка Андропова, и Костя Морозов, и Лёня Савич, и все-все-все.

(4) Простой Лепестиньин вопрос, который она повторяла то и дело, вызывал во мне смутную, необъяснимую тоску. (5) Ведь я знала ответ на тот вопрос, про каждого из ребят могла сказать, по какой причине остался он один. (6) А вот про всех сразу не могла, нет, не могла твёрдо и уверенно ответить, что дело обстоит так-то и так-то. (7) Что суть проблемы кроется в том-то и том-то.

(8) Тогда — голод, тогда — трудности, тогда - война. (9) Но теперь то? (10) Не голод, не война. (11) Нетрудно, в общем, жить. (12) И что? (13) Дети без родителей — вот они, у меня за плечом. (14) И еду вызнать подробности. (15) Выяснить, как и чем мы должны помочь. (16) Мы не матери и отцы, а всего только учителя.

(17) Вопрос Лепестиньин правомерен, да, правомерен. (18) Мне понятно, почему Дзержинский, воевавший с бандитами и врагами, занялся беспризорниками. (19) Понятна слава Макаренко с его колонией. (20) Памятно сиротство страшной войны, когда я ещё даже не родилась, - это мне всё понятно.

(21) Непонятно, почему сироты есть теперь.

(22) Катастрофы, беды, смерти - это осознать можно, без них мира нет.

(23) Но сиротство — оно непостижимо, потому что так просто: детям-всем детям! — нужны родители. (24) Если даже их нет.

-(25) Хочу посмотреть нынешний детдом, — отвлекалась от своего рассказа Лепестинья. — (26) Небось, совсем другое дело! (27) И вдруг сказала: «Всю жизнь ребёночка иметь хотела, да Бог не дал! (28) А кому не надо дает!» (29) Толкнула меня легонько локтем. — (30) Отдай-ка мне одного, а, девка?

(31) Замечали ли вы, что порой совершенно непонятным образом, неизвестно как и почему вы предполагаете дальнейший ход событий, и события поворачиваются именно так, как вы думали. (32) Человек говорит слова, которые вы от него ждёте. (33) Или вы входите в дом и встречаете там обстановку, которая когда-то именно такой вам и представлялась.

(34) Отчего это? (35) Почему? (36) Может, и впрямь в воздухе движутся какие-то волны, передающие не только знания, но и чувства, мысли, даже намерения? (37) И есть что-то таинственное в передвижении этих частиц, преодолевающих не только расстояние, но и время.

(1)Мама часто рассказывает о своем послевоенном детстве, но эта история мне почему-то особенно нравится.

(2)Жили они тогда в деревянных коттеджах на две семьи на окраине города в районе, который назывался «Гнилой угол». (3)Это место и правда отличалось плохой погодой: когда над городом светило солнце, у нас всегда моросил дождь и постоянно было грязно и сыро. (4)Напротив их дома через дорогу строили трехэтажное общежитие, там трудились военнопленные японцы, которых каждое утро под конвоем приводили охранники, а вечером, когда работа кончалась, их строили в колонну и уводили в лагерь. (5)Эти странные, чудные люди вызывали постоянный интерес у всех ребятишек. (6)Одни их дразнили, показывая кулаки и выкрикивая «банзай!», а другие жалели и приносили им кусочки хлеба.

(7)Пленные выглядели очень измученными. (8)Униформа цвета хаки висела на них как на вешалках. (9)Военнопленные часто подзывали детей и, отдавая свои гроши, просили купить для них что-нибудь съестное или папиросы. (10)Ребятишки охотно выполняли их просьбы, хотя в то время в магазинах ничего нельзя было купить, кроме черного хлеба, ржавой селедки или консервов.

(11)Среди пленных Лиля с подружкой выделяли двоих, самых молодых, которые постоянно их приветствовали и пытались шутить на ломаном русском языке. (12)Как-то раз один из японцев с таинственным видом подозвал Лильку и вручил спичечный коробок, в котором что-то тихонько шуршало. (13)Там оказалась очень красивая бабочка — черный махаон, которого даже в те далекие времена было очень трудно встретить.

(14)Потрясенная красотой и размером бабочки, девочка спросила, откуда японец взял ее. (15)Он гордо ответил, что поймал красавицу специально для нее, а затем, смущаясь, робко попросил принести ему кусочек хлеба. (16)Лилька помчалась домой, бережно прижимая к себе коробочку с бабочкой. (17)Дома она схватила кусок хлеба и собралась бежать обратно, но мама (моя бабушка) остановила ее и сказала, что надо вымыть руки и садиться обедать, потому что сегодня на обед приготовлен очень вкусный борщ с мясом. (18)Лилька показала маме черную бабочку и ответила, что хлеб несет пленному японцу, который подарил ей эту красавицу.

(19)Мама вздохнула, немного подумала и сказала: «Бедный малый, он, наверное, очень голоден, приведи его к нам, пусть поест горяченького».

(20)Лилька радостно побежала звать своего знакомого на обед. (21)С ним рядом стоял его друг, и она пригласила их обоих. (22)Мама, увидев двоих гостей вместо одного, погрозила Лильке пальцем, но ничего не сказала, только молча усадила обоих за стол. (23)Она налила им по полной глиняной миске вкусного дымящегося борща и крупными ломтями нарезала буханку черного хлеба. (24)Японцы замерли от восхищения при виде роскошного угощения, а затем молча принялись за еду.

(25)Если бы вы могли только видеть, как они ели! (26)Лилька никогда не забудет этого зрелища. (27)Быстро загребая ложками, почти не жуя, они глотали этот живительный борщ, закатывая от блаженства маленькие узкие глазки. (28)Чтобы не уронить ни одной капельки, они подставляли под ложку кусочек хлеба, неся ее ко рту. (29)Действовали одинаково и очень слаженно. (30)Покончив с едой, японцы улыбнулись хозяевам, встали из-за стола и, сложив руки ладошками вместе, долго кланялись, выражая благодарность...

(31)Прошло несколько месяцев, и однажды дети увидели, что вместо военнопленных на стройке трудятся наши русские рабочие. (32)Они думали, что замена временная, но японцы больше не вернулись. (33)Никто не знал, куда их увезли: то ли отправили на родину, то ли перевели в другой город.

(34)Вскоре и ее семья переехала из Владивостока на новое место службы отца. (35)А черная бабочка-махаон еще много лет хранилась в Лилькиной коллекции. (36)Пока не рассыпалась от времени.

(1) Кажется, я был в пятом классе, когда у нас появилось сразу несколько новых молодых учителей, только что вышедших из университета. (2) Одним из первых появился Владимир Васильевич Игнатович — учитель химии. (3) Это был модой человек, только что с университетской скамьи, с чуть заметными усиками, маленького роста, с пухлыми розовыми щеками, в золотых очках. (4) Говорил он голосом, в котором звучали тонкие, как будто детские, нотки. (5) В классе несколько робел, и лицо его часто заливал застенчивый румянец. (6) Новый учитель обращался с нами вежливо, преподавал старательно, заданное спрашивал редко, к отметкам выказывал пренебрежение, уроки объяснял, как профессор, читающей лекцию.

(7) Первым результатом его системы было то, что класс почти перестал учиться. (8) Вторым — то, что ему порой начали слегка грубить. (9) Бедный юноша, приступивший к нам с идеальными ожиданиями, вынужден был расплачиваться за общую систему, которая вносила грубость и цинизм. (10) Впрочем, это было недолго. (11) Однажды, когда класс шумел и Игнатович напрасно надрывал свой мягкий голосок, одному из нас показалось, будто он называл нас стадом баранов. (12) Другие учителя очень часто называли нас стадом баранов, а порой и хуже. (13) Но то были другие. (14) Они были привычно грубы, а мы привычно покорны. (15) Игнатович же сам приохотил нас к другому обращению.

(16) Один из учеников, Заруцкий, очень хороший, в сущности, малый, но легко поддававшийся настроениям, встал среди шумевшего класса.

—(17) Господин учитель, — сказал он громко, весь красный и дерзкий. — (18) Вы, кажется, сказали, что мы стадо баранов. (19) Позвольте вам ответить, что... в таком случае...

(20) Класс вдруг затих так, что можно было слышать пролетевшую муху.

—(21) Что в таком случае... Вы сами баран...

(22) Стеклянная колбочка, которую держал в руках Игнатович, звякнула о реторту. (23) Он весь покраснел, лицо его как-то беспомощно дрогнуло от обиды и гнева. (24) В первую минуту он растерялся, но затем ответил окрепшим голосом:

—Я этого не говорил... (25) Вы ошиблись...

(26) Простой ответ озадачил. (27) В классе поднялся ропот, значение которого сразу разобрать было трудно, и в ту же минуту прозвенел звонок. (28) Учитель вышел; Заруцкого окружили. (29) Он стоял среди товарищей, упрямо потупившись и чувствуя, что настроение класса не за него. (30) Сказать дерзость учителю, вообще говоря, считалось подвигом, и если бы он так же прямо назвал бараном одного из «старых», то совет бы его исключил, а ученики проводили бы его горячим сочувствием. (31) Теперь настроение было недоуменно-тяжелое, неприятное...

— (32) Свинство, брат! — сказал кто-то.

—(33) Пусть жалуется в совет, — угрюмо ответил Заруцкий.

(34) Для него в этой жалобе был своего рода нравственный выход: это сразу поставило бы нового учителя в один ряд с учителями старыми и оправдало бы грубую выходку.

—(35) И пожалуется! — сказал кто-то.

—(36)Конечно! (37)Думаешь, спустит?

(38)Этот вопрос стал центром в разыгравшемся столкновении. (39)Прошло два дня, о жалобе ничего не было слышно. (40)Прошел день совета... (41)Признаков жалобы не было.

(42)На следующий урок химии Игнатович явился несколько взволнованный; лицо его было серьезно, глаза чаще потуплялись, и голос срывался. (43)Видно было, что он старается овладеть положением и не вполне уверен, что это ему удастся. (44)Сквозь серьезность учителя проглядывала обида юноши, урок шел среди тягостного напряжения. (45)Минут через десять Заруцкий, с потемневши лицом, поднялся с места. (46)Казалось, что при этом на своих плечах он поднимает тяжесть, давление которой чувствовалось всем классом.

— (47)Господин учитель... — с усилием выговорил он среди общей тишины. (48)Веки у молодого учителя дрогнули под очками, лицо все покраснело. (49)Напряжение в классе достигло высшего предела.

—(50)Я... прошлый раз... — начал Заруцкий глухо. (51)Затем, с внезапной резкостью, он закончил:

—Я извиняюсь.

(52)И сел с таким видом, точно сказал новую дерзость. (53)Лицо у Игнатовича посветлело, хотя краска залила его до самых ушей. (54)Он сказал просто и свободно:

—Я говорил уже, господа, что баранами никого не называл.

(55)Инцидент был исчерпан. (56)В первый еще раз такое столкновение разрешилось таким образом. (57)«Новый» учитель выдержал испытание. (58)Мы были довольны им и — почти бессознательно — собою, потому что также в первый раз не воспользовались слабостью этого юноши, как воспользовались был слабостью кого-нибудь из «старых». (59)Самый эпизод скоро изгладился из памяти, но какая-то ниточка своеобразной симпатии, завязавшейся межд. новым учителем и классом, осталась.

(По В. Г. Короленко*)